

Спасибо, что скачали книгу на сайте swan-swan.ru/knigi

Мы предлагаем для скачивания книги, которые признаны общественным достоянием и не нарушают авторские права.

Приятного чтения!

С уважением, коллектив swan-swan.ru

Анна Тодд После

Моим первым читателям, с безграничной любовью и благодарностью. Вы – целый мир для меня.

Пролог

В наше время у тебя сначала спрашивают, где ты учился, а уже потом интересуются твоей фамилией. Сегодня о человеке судят по уровню образования, и оно определяет его будущее.

С первого дня в старших классах меня натаскивали на поступление в колледж. И не какой-нибудь – моя мать вбила себе в голову, что я должна учиться только в Центральном вашигтонском университете¹, в котором училась она сама, но так и не окончила.

Я понятия не имела, что колледж станет для меня чем-то большим, чем просто местом учебы, а выбор факультативных курсов в первом семестре всего через несколько месяцев будет казаться совершенно заурядным делом. Я была наивна (впрочем, в чем-то наивна я и сейчас) и не могла знать наверняка, что ждет меня впереди.

Знакомство с соседкой по общежитию было ярким и сумбурным, а уж когда я увидела ее странных друзей... Они так отличались от всех, кого я знала, пугали своим внешним видом, смущали полным безразличием к порядку. Но я быстро погрузилась в это безумие и стала его частью...

Именно тогда *он* проник в мое сердце.

С первой же нашей встречи Хардин изменил мою жизнь – отныне в ней не осталось места подготовительным занятиям и лекциям для младших курсов. Фильмы, что я так любила смотреть подростком, стремительно воплотились в жизнь, а их нелепые сюжеты стали моей реальностью. Поступала бы я иначе, если бы знала заранее, чем все закончится? Не уверена. Иногда я рада, что все произошло именно так, особенно в момент страсти, когда мой разум затуманивается, и я способна видеть только его. Но временами я думаю о боли, которую он мне причинил, о глубокой ране от потери самой себя, о хаосе тех мгновений, когда я почувствовала, что мой мир перевернулся, – и ответ уже не так очевиден.

Я убеждена лишь в одном: после того как Хардин растоптал мою жизнь и мое сердце, они уже никогда не будут прежними.

¹ Центральный вашигтонский университет (Central Washington University, CWU) расположен в Элленсбурге, в центре штата Вашингтон, благодаря чему получил свое название.

Глава 1

Будильник мог зазвенеть в любую минуту. Я не спала полночи, то считая линии между стыками панелей на потолке, то повторяя расписание на семестр. Некоторые считают овец, я строю планы. Мой мозг не может заставить себя перестать планировать, и сегодняшний день, самый важный день за все мои девятнадцать лет, не стал исключением.

– Тесса!

Это мама зовет меня снизу. Проклиная себя, скатываюсь со своей маленькой, но все еще удобной кровати. Я нахожу время, чтобы заправить края простыни в подголовник, потому что сегодня – последнее утро, когда я делаю это обычное домашнее дело.

Завтра эта спальня перестанет быть моим домом.

– Тесса! – снова зовет меня мама.

– Встаю! – кричу я в ответ.

Шум открывающихся и захлопывающихся шкафов этажом ниже свидетельствует, что мама нервничает не меньше моего. Живот у меня скручивает тугим узлом, и, принимая душ, я молюсь, чтобы нервозность ослабла к середине дня. Вся моя жизнь была непрерывной подготовкой к этому дню, моему первому дню в колледже.

Последние несколько лет я провела в тревожном ожидании. Пока ровесники в выходные гуляли, напивались и делали все то, что полагается подросткам, чтобы создать себе проблемы, я занималась. Я была девочкой, просиживающей вечера в гостиной с учебниками, в компании мамы, занятой сплетнями и бесконечным просмотром каталогов QVC, где она выискивала новые способы улучшения внешности.

В день, когда пришло письмо, сообщавшее о моем поступлении в Центральный вашингтонский университет, я была уже взвинчена до крайности – к тому же мать непрерывно накручивала меня своими предчувствиями. Не отрицаю, я гордилась тем, что мой изнурительный труд в конце концов полностью оправдался. Я поступила именно в тот единственный колледж, в который подавала документы, и, поскольку доход нашей семьи был низким, мне выделили стипендию, достаточную, чтобы свести к минимуму затраты на обучение. Раз я заикнулась о поступлении в другой колледж, но увидев, как изменилось мамино лицо и как она почти час металась по комнате, уверила ее, что это просто вариант и я не рассматриваю его серьезно.

Я вступаю под струи горячего душа, и мои одеревеневшие мышцы частично отпускает. Стоя под горячими потоками, я пытаюсь успокоиться, но только добиваюсь обратного эффекта. Я так рассеянна, что после помывки головы и тела мне почти не остается горячей воды, чтобы побрить ноги.

Мама снова зовет меня в момент, когда я заворачиваюсь в полотенце. Зная, что паника – ее оптимальное состояние, я предоставляю ей свободу действий, задержавшись еще чуть-чуть, чтобы высушить волосы. Знаю, она тоже волнуется, что я опоздаю в колледж, но я представляла этот день не один месяц, по часам. По моему плану, право на нервный срыв сегодня имеет только один человек в нашей семье, и мне надо приложить все усилия, чтобы это была не я.

Трясущимися руками пытаюсь застегнуть «молнию» на платье. Я не уверена, что оно подойдет, но мама настояла, чтоб я надела именно его. В конце концов одерживаю победу над молнией и вытаскиваю из шкафа свой любимый свитер. Одеваясь, я почти успокаиваюсь – пока не замечаю на рукаве маленькую дырку. Швыряю свитер обратно на кровать и натягиваю туфли, понимая, что с каждой минутой промедления чаша мамино терпения переполняется.

Мой бойфренд Ной скоро должен прийти, чтобы нас сопровождать. Он на год младше меня, но ему скоро уже восемнадцать. Он замечательный, к тому же и круглый отличник, как и я, и, к моей радости, через год собирается поступать в CWU. Я бы очень хотела, чтобы он поступил сейчас, учитывая, что я не знаю в колледже ни единого человека, но я благодарна и

тому, что Ной обещал при первой возможности меня навещать. И еще мне просто необходима нормальная соседка по общежитию: это единственное, на что я надеялась и что было вне моего контроля.

– Теееессааа!!!

– Мам, я уже иду. *Пожалуйста*, хватит меня звать! – кричу я, спускаясь.

Ной сидит за столом напротив мамы, уставившись на наручные часы. Синяя футболка очень идет к его голубым глазам, а светлые волосы зачесаны и слегка уложены гелем.

– Привет, студентка!

Он улыбается своей идеальной сияющей улыбкой и крепко меня обнимает. Я задерживаю дыхание, чувствую сильный запах его одеколona. Да, иногда он с парфюмом немного перебарщивает.

– Привет. – Я отвечаю ему такой же улыбкой и, чтобы скрыть волнение, начинаю собирать в хвост свои пепельно-русые волосы.

– Дорогая, мы подождем еще пару минут, пока ты причешешься, – спокойно говорит мама.

Я подхожу к зеркалу и киваю: она права. Я должна выглядеть сегодня безупречно, и, конечно, мама не преминула напомнить об этом. Я должна уложить волосы на ее вкус, хотя бы в качестве прощального подарка.

– Я отнесу твои сумки в машину, – предлагает Ной, протягивая руку, чтобы поймать брошенные мамой ключи.

Быстро чмокнув меня в щеку, он выходит из комнаты с сумками в руках, а мама следом.

Второй раунд укладки заканчивается с большим успехом, чем первый, и напоследок я провожу по своему серому платью машинкой для снятия катышков.

Пока я иду к машине, в моем животе порхают бабочки, давая мне короткую передышку, чтобы затем за два часа поездки я смогла снова попаниковать.

Я понятия не имею, каким будет колледж, единственное, что меня сейчас волнует, *смогу ли я там найти друзей?*

Глава 2

Хотелось бы сказать, что знакомые виды города действовали на меня успокаивающе или что по мере приближения к университету меня охватывало предчувствие приключений. Но на самом деле я была полностью поглощена планами и мечтами. Не уверена даже, что понимала, о чем говорил Ной, знаю только, что он старался меня развеселить и поддержать.

– Вот мы и на месте! – кричит мама, когда мы въезжаем в каменные ворота кампуса.

В жизни университет такой же внушительный, как в брошюрах и на сайте, я немедленно влюбляюсь в эти изящные каменные здания. На университетской площади – сотни людей, родители, обнимающие и целующие на прощание детей, группки первокурсников, с ног до головы покрытых символикой CWU... Масштабы пугают, но я надеюсь, что через несколько недель я полностью освоюсь.

Мама настаивает, чтобы они с Ноем присутствовали при приветствии первокурсников. Она умудряется улыбаться три часа подряд, Ной внимательно слушает, впрочем, как и я.

– Перед отъездом я хочу увидеть твою комнату. Нужно убедиться, что там все в порядке, – говорит мама после церемонии, осматривая старые постройки критическим взором.

Она обладает способностью во всем замечать худшее. Ной улыбается во весь рот, и мама снова оживляется.

– Просто поверить не могу, что ты в колледже! Моя единственная дочь – студентка, будет жить самостоятельно. Просто поверить не могу! – причитает она, вытирая глаза, но осторожно, чтобы не испортить макияж.

Ной плетется за нами по коридору общежития и волочет мои сумки.

– Комната В22... а мы в холле С, – говорю я. К счастью, я замечаю большую букву «В», нарисованную на стене. – Сюда, – командую я, когда мама уже начинает поворачивать в обратную сторону.

Хорошо, что я взяла с собой только немного одежды, одеяло и несколько любимых книг, Ною не так много приходится нести, а мне не хочется разбирать вещи.

– В22, – облегченно вздыхает мама.

Для такой долгой ходьбы она надела чересчур высокие каблуки. В конце длинного коридора вставляю ключ в замок, и когда старая деревянная дверь со скрипом отворяется, мама громко вздыхает.

Комната маленькая, с двумя крошечными кроватями и двумя письменными столами. Через мгновение понимаю, что именно так изумило мать: одна стена сплошь увешана постерами команд, о которых я никогда не слышала, на лицах музыкантов – пирсинг, а тела покрыты татуировками. А затем замечаю девушку, лежащую поперек одной из кроватей, ее ярко-красные волосы, подведенные черным глаза и руки, покрытые цветными татуировками.

– Привет, – с улыбкой говорит она, и, удивительно, эта улыбка мне нравится. – Я Стеф.

Она приподнимается на локтях, ажурная майка туго обтягивает бюст, и я незаметно пинаю Ною ногой, чтобы не пялился на ее грудь.

– П-привет. Я Тесса, – выдыхаю я, и все мои планы и заготовки вылетают из головы.

– Привет, Тесса, рада тебя видеть. Добро пожаловать в CWU, где комнаты маленькие, а тусовки огромные.

Улыбка девушки с красными волосами становится еще шире. При виде наших испуганных физиономий Стеф откидывает голову и заливается смехом. Мама чуть не роняет челюсть на ковер, Ной смущенно переминается с ноги на ногу. Стеф подходит ко мне близко-близко и обнимает меня своими тонкими руками. На мгновение я замираю, пораженная таким интимным жестом, но отвечаю тем же. Раздается стук в дверь, и в тот же момент Ной роняет мои сумки на пол. Я ничего не понимаю, но надеюсь, что все это типа розыгрыш.

– Войдите, – кричит моя новая соседка.

Открывается дверь, и еще до того, как она успевает разжать объятия, в комнате появляются два парня.

Мальчики в женском общежитии в первый день? Возможно, я плохо выбрала университет. Или, может, стоит попытаться поменять комнату? По маминой гримасе я заключаю, что она думает примерно о том же. Похоже, мама готова выскочить из комнаты в любую минуту.

– Привет, ты соседка Стеф? – спрашивает один из парней.

Его светлые волосы с крашеными каштановым прядями поставлены торчком. На руках – татуировки, в ухе – крупная никелевая серьга.

– Эмм... да. Меня зовут Тесса, – выдавливаю я.

– Я Нэт. Да не смотри так испуганно! – Он улыбается, хлопая меня по плечу. – Тебе здесь понравится.

У Нэта открытое и дружелюбное выражение лица, несмотря на суровый вид.

– Я готова, – говорит Стеф, схватив тяжелую черную сумку возле кровати.

Я перевожу глаза на высокого темноволосого парня, прислонившегося к стене. Густые волнистые волосы зачесаны назад, а в брови и губе торчат колечки. Скольжу взглядом по черной футболке и рукам, покрытым татуировками; не видно ни кусочка нетронутой кожи. В отличие от Стеф и Нэта он весь разрисован черным, серым и белым. Высокий и худой. Я осознаю, что тарашусь на парня самым неделикатным образом, но не могу отвести взгляд.

Жду, что он представится, как и его друг, но он молчит, нетерпеливо закатив глаза и вытащив мобильник из плотных черных джинсов. Этот парень определенно не так приветлив, как Нэт и Стеф. Тем не менее, он привлекательнее; в нем есть что-то, что мешает оторвать взгляд от его лица. Я смутно чувствую, что Ной смотрит на меня, и, наконец, отворачиваюсь, сделав вид, что шокирована происходящим.

Ведь так и есть, правда?

– Увидимся, Тесса, – говорит Нэт, и все трое выходят из комнаты.

Я тяжело вздыхаю. Назвать последние несколько минут необычными было бы недопустимым преуменьшением.

– Ты получишь другую комнату! – кричит мама, как только хлопает дверь.

– Нет, я не могу, – отвечаю я. – Здесь нормально, мам.

Я изо всех сил стараюсь успокоиться. Не знаю, получится ли, но в любом случае последнее, чего бы я хотела, это чтобы моя деспотичная мать устроила сцену в *первый день* моего пребывания в колледже.

– Уверена, она не такая, как кажется на первый взгляд, – пытаюсь я убедить маму и в то же время поверить в это сама.

– Чепуха, мы переезжаем сейчас же. – Безупречная внешность странно сочетается с гневом на лице матери; длинные светлые волосы уложены волнами, и каждый локон совершенен. – Ты не будешь жить в комнате с человеком, который общается с такими... такими панками!

Я смотрю в ее стальные глаза, затем на Ноя.

– Мама, пожалуйста, давай поглядим, как все будет складываться. Пожалуйста, – прошу я.

Я не хочу даже представлять себе, что начнется, если мы попытаемся в последний момент поменять комнату. И как унинительно это будет выглядеть.

Мама снова оглядывает комнату, останавливается взглядом на плакатах, покрывающих стену Стеф, выразительно на них фыркает.

– Хорошо, – неожиданно цедит она сквозь зубы. – Но перед тем, как мы уедем, нам с тобой надо поговорить.

Глава 3

Часом позже, после лекции об опасности вечеринок и студентов мужского пола – при этом использовались выражения, которых мы с Ноем от мамы совершенно не ожидали, – она, наконец, начинает собираться домой. В своем обычном стиле, коротко обняв и чмокнув меня, она покидает комнату, сообщив Ноем, что будет ждать его в машине.

– Я все время буду скучать по тебе, – тихо говорит Ной и заключает меня в свои объятия.

Я чувствую запах одеколона, который дарила ему на Рождество два года подряд, и вздыхаю. Навязчивый аромат уже частично выветрился, и я понимаю, что тоже буду скучать по нему и по тому ощущению комфорта и близости, которое связано с Ноем, несмотря на то, сколько раз я жаловалась на него раньше.

– Я тоже буду скучать, но мы же можем разговаривать каждый день, – говорю я, обвивая его руками и прижимаясь лицом к шее. – Я хочу, чтобы ты поступил сюда через год.

Ной всего на несколько сантиметров выше, мне это нравится. Мама часто дразнила меня, утверждая, что человек, соврав, вырастает на дюйм. Мой отец был высоким, так что об этом я с ней спорить не буду.

Губы Ноя приближаются к моим... и в этот момент я слышу звук автомобильного гудка.

Ной смеется и отпускает меня.

– Твоя мама не изменится! – Он целует меня в щеку и выбегает в дверь, крикнув на ходу: – Позвоню вечером!

Оставшись одна, я думаю о его поспешном уходе, а потом начинаю распаковывать сумки. Вскоре половина одежды аккуратно сложена в одну из тумбочек, остальное повешено в шкаф. От количества кожи и изображений животных на одежде, заполняющей соседний шкаф, я поеживаюсь. Все же любопытство сильнее: я провожу пальцами по платью из какого-то металла, потом по другому платью, такому тонкому, что непонятно, есть ли оно

вообще.

Чувствуя себя как выжатый лимон, валюсь поперек кровати. Подкрадывается незнакомое мне чувство одиночества; жалко, что соседки нет, как бы некомфортно мне ни было в присутствии ее друзей. Подозреваю, ее часто не будет дома, или, еще хуже, она может проводить в своей компании большую часть времени. Почему мне не попала соседка, которой нравится читать и учиться? С одной стороны, это даже неплохо, потому что вся наша маленькая комнатка будет в моем распоряжении, но все-таки меня это почему-то не радует. Колледж оказался совсем не тем, чего я ожидала.

Напоминаю себе, что я здесь всего несколько часов. Завтра будет лучше. Должно быть лучше.

Я достаю учебники и ежедневник, решив убить время заполнением расписания занятий и предполагаемых заседаний литературного клуба, куда я планирую вступить; с ним я еще не до конца решила, но я читала отзывы студентов о нем и хочу попробовать. Я хочу найти единомышленников, с которыми можно было бы поговорить. Я не надеюсь, что заведу много друзей, пока достаточно, если мне будет с кем вместе пообедать. Я решаю завтра выехать из кампуса, чтобы купить в комнату кое-какие вещи. Не хочу захламлять свою половину так же, как Стеф, но неплохо бы добавить пару предметов, чтобы чувствовать себя в этом чужом месте как дома. То, что у меня еще нет машины, несколько осложняет дело. Чем раньше я ее заведу, тем лучше. У меня достаточно денег – подарок на выпускной и зарплата продавца в книжном магазине, где я работала летом, – но я пока не уверена, надо ли заморачиваться покупкой прямо сейчас. То, что я живу в кампусе, дает мне полный доступ к общественному транспорту, и я уже изучила автобусные маршруты. С мыслями о расписании, рыжих девушках и неприветливых татуированных парнях я засыпаю, сжимая ежедневник в руках.

На следующее утро Стеф в постели не оказалось. Я бы хотела познакомиться поближе, но это может оказаться трудновато, если ее никогда не будет рядом. Может, один из двух парней – ее бойфренд? Для ее же блага, искренне надеюсь, что это блондин.

Схватив сумочку с туалетными принадлежностями, я направились в душ. Уже можно сказать, что одно из наименее приятных впечатлений от студенческой жизни – душевая; хорошо бы в каждой комнате была отдельная ванная. Ну, по крайней мере, спасибо и за то, что душевые раздельные.

Или... Я считала, они должны быть раздельными, – ведь все, наверное, так думают? Открываю дверь, абсолютно уверенная, что увижу два напечатанных значка, мужской и женский... Блин. Не могу поверить, что такое возможно. Не могла поверить, пока не оказалась в CWU.

Нахожу свободную кабинку, быстро шмыгаю мимо полуголых мальчиков и девочек, тщательно закрываю шторку, раздеваюсь и на ощупь вешаю одежду на стойку, вытянув руку из-за занавески. Вода нагревается слишком медленно, и все это время я панически боюсь, что кто-нибудь отдернет тонкую занавеску, отделяющую мое голое тело от людей снаружи. Но никого, кажется, не смущают полуголые представители другого пола; студенческая жизнь оказалась очень странной, и это только второй день.

Крошечная душевая кабинка находится вплотную к стойке, на которую я повесила одежду, и внутри еле хватает места вытянуть руки. Я думаю о Ное и о доме. Задумавшись, я поворачиваюсь и задеваю локтем вешалку, одежда валится на мокрый пол. Душ *хлещет* на нее, и вещи мгновенно намокают.

– Да вы издеваетесь!

Я издаю беззвучный стон, резко выключаю воду и заворачиваюсь в полотенце. Затем подхватываю тяжелую грудку мокрой одежды и несусь по коридору, отчаянно надеюсь, что меня никто не видит. Добравшись до комнаты, поворачиваю ключ в замке, и когда, наконец, дверь за мной захлопывается, мгновенно расслабляюсь.

До момента, как, повернувшись, не замечаю мрачного брюнета в татуах, развалившегося на кровати Стеф.

Глава 4

– А... где Стеф?

Я пытаюсь говорить твердо, но голос больше напоминает писк. Руками я кутаюсь в мягкое полотенце, а взглядом то и дело скольжу вниз, чтобы убедиться, что мое тело полностью прикрыто.

Парень смотрит на меня; уголки его рта немного приподнимаются, но он не говорит ни слова.

– Ты слышишь? Я спросила тебя, где Стеф, – повторяю я, стараясь на этот раз говорить вежливей.

Выражение его лица меняется. Наконец, он бормочет «Я не знаю» и отворачивается к маленькому экрану на тумбочке Стеф.

Что он тут делает? У него что, нет своей комнаты? Я сдерживаюсь, стараясь оставить грубости при себе.

– О'кей... Не мог бы ты... выйти куда-нибудь, чтоб я могла одеться?

Кажется, он даже не заметил, что я в полотенце. Или заметил, но это не произвело на него впечатления.

– Не обольщайся, смотреть на тебя не собираюсь, – усмехается он и отворачивается, закрыв лицо руками.

У него сильный английский акцент, раньше я этого не заметила. Наверное, потому, что раньше он со мной не разговаривал.

Не сообразив, как отреагировать, я фыркаю и подхожу к своей тумбочке. Что именно он имел в виду под «не собираюсь смотреть»? Может быть, он счел меня непривлекательной. Я поспешно надеваю белье, белую рубашку и шорты цвета хаки.

– Ну, ты все? – спрашивает он, и этим переполняет чашу моего терпения.

– А ты не мог бы повежливей? Я, кажется, тебе ничего не сделала. *Так в чем дело?*

Я кричу, может быть, несколько громче, чем хотела, но, судя по удивлению на лице моего обидчика, слова произвели впечатление.

Мгновение он молча на меня смотрит. И когда я уже ожидаю услышать извинения, разражается смехом. Его смех звучный и глубокий, его можно было бы назвать приятным, если бы он не был таким обидным. Когда он хохочет, на щеках появляются ямочки. Я чувствую себя полной идиоткой. Я вообще стараюсь избегать конфликтов, а этот парень, кажется, последний, с кем я стала бы ссориться.

Открывается дверь, входит Стеф.

– Извини, я поздно. У меня адское похмелье, – с трудом произносит она, и ее взгляд скачет между мной и парнем с татуировками. – Извини, Тесса, я забыла сказать, что Хардин зайдет. – И извиняюще пожимает плечами.

Мне хочется думать, что мы со Стеф сможем притереться друг к другу, в каком-то смысле даже стать подругами, но при ее образе жизни и компании мне просто трудно в это поверить.

– Твой бойфренд не очень-то вежлив, – выпаливаю я прежде, чем могу остановиться.

Стеф смотрит на парня на своей кровати, и *оба* начинают хохотать. *Да что с вами со всеми, почему вы смеетесь надо мной?* Это начинает по-настоящему раздражать.

– Хардин Скотт *не мой бойфренд!* – задыхаясь, произносит она. Успокоившись, она хмуро поворачивается к Хардину: – Что ты ей сказал? – А потом, снова повернувшись ко мне: – Хардин... просто не умеет по-другому разговаривать.

Отлично, значит, она говорит, что Хардин – просто грубиян. Парень из Англии пожимает плечами и пультом переключает канал.

– Сегодня вечером вечеринка. Ты должна пойти с нами, Тесса, – говорит Стеф.

Теперь моя очередь улыбнуться.

– Вечеринки – это не мое. К тому же мне нужно приобрести кое-какие вещи в комнату, на стол и стену.

Я смотрю на Хардина, который ведет себя так, будто никого из нас в комнате больше нет.

– Пойдем... всего лишь вечеринка! Ты теперь в колледже, так что одна вечеринка не повредит, – уговаривает Стеф. – погоди, а как ты собираешься в магазин? Я думала, у тебя нет машины?

– Я собиралась поехать на автобусе. К тому же я не могу пойти на вечеринку, я же никого там не знаю, – говорю я, и Хардин вновь хохочет – еще одно подтверждение, что он собирается уделять мне не больше внимания, чем требуется для того, чтоб надо мной посмеяться. – Я собираюсь почитать и поболтать по скайпу с Ноем.

– Ты же не собираешься ехать на автобусе в субботу! Он будет битком. Хардин подбросит тебя по пути... правда, Хардин? И на вечеринке ты знаешь *меня*. Так что приходи... хорошо? – Стеф драматически сжимает руки.

Я знаю ее всего один день, могу ли я ей доверять? В голове всплывают предупреждения мамы об опасности вечеринок. За то недолгое время, что я знаю соседку, она показалась довольно приятной. Но вечеринка?

– Не знаю... Нет, я не хочу, чтобы Хардин подвозил меня в магазин.

Хардин удивленно разворачивается на кровати Стеф.

– Как же так! А я так мечтал об этом, – сухо отвечает он тоном, полным сарказма, и мне хочется швырнуть книжку в его кудрявую голову. – Ладно, Стеф, видишь, она не собирается приходить, – усмехаясь, говорит он с сильным акцентом.

Любопытство, которого во мне достаточно, подмывает спросить, откуда он. А чувство противоречия заставляет перечить.

– На самом деле, да, я приду, – говорю я с такой милой улыбкой, какую только смогла изобразить. – Наверное, там будет весело.

Хардин недоверчиво покачивает головой, а Стеф взвизгивает и крепко меня обнимает.

– Да! Еще как весело! – кричит она.

И в глубине души я очень надеюсь, что она окажется права.

Глава 5

На мое счастье, Хардин наконец-то уходит, и я могу расспросить Стеф о вечеринке. Мне нужно узнать подробности, чтобы не волноваться, а присутствие посторонних этому нисколько не способствует.

– Где будет эта вечеринка? Пешком дойдем? – спрашиваю я и, стараясь казаться спокойной, ровняю свои книжки на полке.

– Вообще-то, это вечеринка в самом большом из здешних студенческих братств. – Стеф с открытым ртом накладывает на ресницы очередной слой туши. – Это не в кампусе, но мы не пойдем пешком, Нэт нас подвезет.

Я рада, что не Хардин, хотя знаю, что он там тоже будет. Так или иначе, его компания кажется мне невыносимой. Почему он такой грубый? Пусть скажет спасибо, что я не осуждаю *его* за уродский пирсинг и тату. Ладно, может, я его и осуждаю, но по крайней мере не говорю ему об этом в глаза. Я хотя бы терпимо отношусь к чужим взглядам. В нашем доме татуировки и пирсинг совершенно неприемлемы. Мои волосы всегда причесаны, брови выщипаны, а одежда чистая и глаженная. Это воспринимается как должное.

– Ты меня слышишь? – прерывает мои размышления Стеф.

– Прости... что? – Неосознанно я в мыслях возвращаюсь к этому грубияну.

– Я говорю, давай готовиться: помоги выбрать мне, в чем идти.

Платья у моей соседки такие странные, что мне кажется, будто сейчас кто-нибудь выскочит и скажет, что нас снимает скрытая камера. От каждого меня просто передергивает, а Стеф смеется, видимо, считает мое отвращение забавным. Платье – точнее, лохмотья, – которое она, в конце концов, выбирает, представляет собой черную сетку, через которую прекрасно виден ее красный бюстгальтер. Единственная закрытая деталь наряда – это

плотные черные трусы. Платье не доходит даже до середины бедра. Стеф подтягивает его, открывая ноги еще выше, затем наклоняется, демонстрируя глубокое декольте. Каблуки ее туфель – сантиметров десять, огненно-рыжие волосы стянуты в тугую косу, падающую на плечи, глаза подведены черным и синим еще гуще, чем раньше.

– Больно делать татуировки? – спрашиваю я, доставая свое любимое темно-бордовое платье.

– Первый раз да, но не так больно, как ты думаешь. Это как пчела, которая кусает тебя снова и снова, – говорит она, пожимая плечами.

– Ужасно, – говорю я, и Стеф смеется.

Мне приходит в голову, что она наверняка считает меня странной так же, как я ее. То, что мы мало знакомы, как ни удивительно – нам на руку.

Она таращится на мое платье.

– Ты что, действительно собираешься это надеть?

Я провожу рукой по ткани. Это мое лучшее, любимое платье, хотя нарядов у меня не так уж и много.

– А что с ним не так? – спрашиваю я, пытаюсь скрыть обиду.

Воротничок доходит до шеи, рукава закрывают руки на три четверти, оставляя открытыми только локти. Темно-бордовая ткань мягкая, но прочная, из такой шьют деловые костюмы.

– Ничего... просто оно такое... длинное, – говорит она.

– Да оно едва колени прикрывает.

Я не понимаю, догадалась ли Стеф, что я обиделась, но почему-то не хочу, чтобы она это знала.

– Оно хорошее. Просто мне оно кажется слишком строгим. Может, ты хочешь взять что-нибудь из моего? – искренне предлагает она.

От этого предложения меня бросает в дрожь.

– Спасибо, Стеф. Думаю, обойдусь, – отвечаю я и начинаю завиваться.

Глава 6

Завивка и укладка готовы; я закалываю пряди у лица с обеих сторон, чтобы не падали.

– Хочешь взять что-нибудь из моей косметики? – спрашивает Стеф, и я снова смотрюсь в зеркало.

Глаза всегда кажутся мне слишком большими, и я предпочитаю минимально подчеркивать их макияжем, разве что крашу ресницы.

– Ну, может, немного глаза подвести, – неуверенно говорю я.

Стеф с улыбкой протягивает мне три карандаша: фиолетовый, черный и коричневый. Я верчу их в руках, выбирая между черным и коричневым.

– Фиолетовый к твоим глазам отлично подойдет, – говорит Стеф, я улыбаюсь, но отрицательно качаю головой. – У тебя уникальные глаза – продать не хочешь? – шутит она.

У нее самой прекрасные зеленые глаза; зачем ей мои? Беру черный карандаш и подвожу глаза тонюсенькой линией, получая от Стеф поощрительную улыбку.

Звонит ее телефон, соседка хватает сумочку.

– Нэт пришел.

Я тоже беру сумочку, поправляю платье и натягиваю свои плоские белые кеды, на которые Стеф взирает весьма однозначно, но не комментирует.

Нэт ждет у входа, из открытого окна его машины ревет хард-рок. Оглядываюсь и вижу, что на нас все смотрят. Опустив голову, я внезапно натываюсь взглядом на Хардина, сидящего на переднем сиденье. Должно быть, он наклонился, и я не заметила его сразу.
Черт.

– Дамы, прошу, – говорит Нэт.

Хардин смотрит, как я забираюсь в машину вслед за Стеф и оказываюсь на сиденье

прямо позади него.

– Тереза, ты ведь в курсе, что мы собрались на вечеринку, а не в церковь? – говорит Хардин, и я вижу в боковом зеркале, как он ухмыляется.

– Пожалуйста, не называй меня Тереза. Мне нравится Тесса, – отвечаю я.

Странно, он даже знает мое полное имя? Оно напоминает мне об отце, поэтому я предпочитаю его не слышать.

– Конечно, Тереза.

Я откидываюсь на сиденье и закрываю глаза; нечего отвечать на подколки, время тратить.

Пока мы едем, я смотрю в окно, пытаюсь не замечать грохочущей музыки. Наконец, Нэт паркуется на обочине оживленной улицы, вдоль ряда больших и почти одинаковых светлых домов. Черными буквами выведено название студенческого братства, но я не могу разобрать ни слова, фасад полностью скрыт вьющимся виноградом. От дома беспорядочно растянута лента туалетной бумаги, шум и гам: типичная картина.

– Дом такой большой; сколько там может быть людей? – ахаю я.

На газоне перед домом полно народу с красными кружками в руках, некоторые танцуют. Я отстаю от своей компании.

– Людей куча, пошли, – отвечает Хардин, выходя из машины.

С заднего сиденья я вижу, как несколько человек здороваются с Нэтом за руку, не обращая внимания на Хардина. К моему удивлению, никто больше не татуирован так, как он, Нэт или Стеф. Может быть, сегодня я все-таки найду себе друзей.

– Идешь? – Стеф улыбается и выскакивает из машины.

Я киваю, скорее сама себе, и вылезаю, еще раз поправляя платье.

Глава 7

Хардин уже зашел в дом; прекрасно, надеюсь, я не увижу его до конца вечера. Судя по количеству народа, так оно и будет. Я иду вслед за Нэтом и Стефом по битком забитой гостиной, получаю красную кружку. Пытаюсь вежливо отказаться «нет, спасибо» – но уже поздно, я понятия не имею, кто мне ее передал. Ставлю чашку на стол и двигаюсь за Стефом. Мы доходим до компании, оккупировавшей диван. Судя по тому, как встречают моих спутников, это друзья Стефа. К сожалению, все они в татуировках. Хардин тоже сидит на диване, я стараюсь не смотреть на него. Стеф представляет меня.

– Это Тесса, моя соседка. Она только вчера приехала, я решила показать ей, как у нас веселятся в выходные.

Все дружески кивают мне и улыбаются (кроме Хардина, конечно). Очень красивый смуглый мальчик протягивает мне руку. Рука холодная, потому что ею он держал стакан, зато улыбка у мальчика теплая. Во рту что-то блестит, кажется, колечко в языке, но я не уверена, он слишком быстро замолкает.

– Я Зед. Ты на чем? – спрашивает он.

Я замечаю, как он изучает мое длинное платье, слегка улыбается, но ничего не говорит.

– На английском, – говорю я, радостно улыбаясь.

Хардин фыркает, но я не обращаю внимания.

– Круто. Я в малине, – смеется Зед.

В малине? Что это значит?

– Хочешь выпить? – спрашивает он прежде, чем я успеваю спросить про малину.

– Нет, я не пью, – говорю я, и он пытается скрыть улыбку.

– В духе Стефа тащить на тусовку всяких девочек-монашек, – бормочет себе под нос девушка с розовыми волосами.

Делаю вид, что не слышу, потому что сегодня хочу избежать любых конфликтов. Монашек? Во мне нет ничего пуританского! Да, я много работала и училась, чтобы здесь оказаться, а когда отец от нас ушел, мама работала изо всех сил, чтобы обеспечить мое

будущее.

– Пойду, подышу свежим воздухом.

Я хочу уйти. Любой ценой нужно предотвратить ссору. Не стоит заводить врагов, пока у меня еще нет друзей.

– Хочешь, я пойду с тобой? – окликает меня Стеф.

Я качаю головой и иду к двери. Я знаю, не надо было приходиться. Я сейчас должна сидеть в пижаме на своей кровати, свернувшись калачиком, с романом в руках. Я могла бы поболтать по скайпу с Ноем, по которому жутко соскучилась. Даже просто спать лучше, чем торчать на этой ужасной вечеринке в компании пьяных незнакомцев. Решаю написать Ною. Я иду на периферию лужайки, где меньше всего людей.

«Я скучаю по тебе. В колледже пока что совсем не весело». Отправляю эсэмэс и сажусь на каменный бортик, ожидая его ответа. Группа пьяных девчонок проходит мимо, путаясь в собственных ногах и хихикая.

Ной быстро отвечает. «Почему? Я тоже скучаю по тебе, Тесса. Я так хочу сейчас быть с тобой». И я улыбаюсь его словам.

– Блин, прости! – произносит мужской голос, и в тот же момент я чувствую, как холодная жидкость заливает мне платье. Парень спотыкается и прислоняется к низкому бортику. – Мне плохо реально, – бормочет он, сползая на землю.

Веселье – хуже не придумаешь. Сначала какая-то девица называет меня монашкой, а теперь еще платье залито непонятным пойлом и воняет. Застонав, я хватаю телефон и иду в дом, чтобы найти ванную. Проталкиваюсь через переполненный коридор, пытаюсь открыть все двери подряд, но они заперты. Я стараюсь не думать, что за ними происходит.

Я иду вверх и продолжаю поиски. Наконец, незапертая дверь. Увы, это не ванная. Это спальня; о ужас: там лежит Хардин, а девушка с розовыми волосами ритмично двигается у него на коленях.

Глава 8

Девушка оборачивается и смотрит на меня, я пытаюсь уйти, но ноги не слушаются.

– Чего тебе? – спрашивает она.

Хардин садится, удерживая партнершу на себе. Его лицо непроницаемо – ни неловкости, ни смущения. Видимо, для него это обычное дело. Может, он посещает такие вечеринки в студенческих братствах только для того, чтобы заниматься сексом со случайными девчонками.

– Ой, извините, я... Я искала ванную, кто-то опрокинул на меня стакан, – быстро объясняю я.

Очень глупо. Девушка впивается губами в шею Хардина, и я отвожу глаза. Эти двое хорошо друг другу подходят. Оба в татуировках, оба грубые.

– Ну ладно, пойду, поищу ванную.

Девица закатывает глаза, и я, опустив голову, выхожу из комнаты. Захлопываю дверь и прислоняюсь к ней спиной. Пока что в колледже совсем не весело. Совершенно не понимаю, как сборища, вроде этого, можно считать веселыми. Вместо того чтобы искать ванную, решаю найти кухню и замыть платье там. Последнее, что мне хочется делать, это открывать двери и находить там пьяных возбужденных студентов друг на друге.

Кухню найти не трудно, но там не повернуться – в основном из-за бутылок в ведрах со льдом на полу и плоских коробок с пиццей на столах. Пробираюсь к раковине, чтобы смочить бумажное полотенце. Когда я вытираю им пятно, мелкие белые катышки от дешевой бумажной салфетки размазываются по мокрому, и становится только хуже. Отчаявшись, я со стоном сажусь на стол.

– Веселишься? – спрашивает Нэт, подходя ко мне.

Я рада знакомому лицу. Он мило улыбается и отпивает из своего стакана.

– Не совсем... А долго обычно длятся такие вечеринки?

– Всю ночь... и половину следующего дня, – смеется он.
 Я в шоке. Когда же Стеф собирается возвращаться? Надеюсь, скоро.
 – Погоди, – волнуюсь я, заметив его опухшие глаза. – Кто нас повезет обратно в общежитие?
 – Не знаю... Если хочешь, можешь взять мою машину, – говорит он.
 – Спасибо, конечно, но не могу. Если я во что-нибудь врежусь или меня остановят с пьяными подростками в машине, будет много проблем.
 Представляю себе выражение лица мамы, вытаскивающей меня из тюрьмы.
 – Да нет, это же совсем недалеко! Просто возьми мою машину. Ты даже не пила. Или придется остаться здесь, ну, или я могу спросить, если кто-нибудь...
 – Ладно, все нормально. Я что-нибудь придумаю.
 Успеваю ответить – и тут все заглушает музыка, и становится не слышно ничего, кроме басов и отдельных слов.
 Все яснее понимаю, что, приехав сюда, я сделала большую ошибку.

Глава 9

Наконец, после долгих поисков и воплей «Стеф!», когда оглушительная музыка сменяется тихой песней, Нэт, смеясь, кивает мне и машет рукой на соседнюю комнату. Он такой милый – зачем только он водится с Хардином?

Поворачиваюсь, куда было сказано, вижу Стеф и слышу собственный изумленный возглас. Стеф и две другие девушки танцуют на столе. Какой-то пьяный парень поднимается, подходит и хватается Стеф за бедра. Жду, что она отбросит его руки, но она только улыбается и отталкивается от него тазом. *Отлично.*

– Они просто танцуют, Тесса, – говорит Нэт и фыркает от смеха, увидев мое лицо.

Но они не *просто танцуют*; они ошупывают друг друга и трутся телами.

– Да... Знаю.

Я пожимаю плечами так, будто не вижу в этом ничего необычного. Я никогда не танцевала, даже с Ноем, хотя мы вместе два года. Ной! Лезу в сумочку за телефоном проверить сообщения.

«Тесс, ты тут?»

«Тесс? Ты в порядке?»

«Тесса? Мне позвонить твоей маме? Я волнуюсь».

Я набираю номер Ноя со скоростью, на которую только способны мои пальцы, и молюсь, чтобы он не успел позвонить маме. Он не берет трубку, но я отправляю ему сообщение, что все в порядке и звонить маме не стоит. Если она узнает, что в колледже со мной что-то случилось в первые же выходные, она будет в шоке.

– Эээй... Тесса! – Стеф, шатаясь, кладет голову мне на плечо. – Еще веселишься, соседка? – Она пьяно хихикает. – Думаю, что... Мне надо... Комната тратится, Тесс... То есть крутится, – бормочет она, смеясь, и ее ведет вперед.

– Она сейчас отключится, – говорю я.

Нэт кивает, берет Стеф на руки и закидывает себе на плечо.

– За мной, – командует он и поднимается вверх.

Открывает дверь где-то посреди коридора: он нашел ванную быстрее, чем я. Опускает Стеф на пол, и ее тут же начинает рвать. Я смотрю в сторону, удерживая ее рыжие волосы подальше от лица.

Наконец (я еле могу выдержать такую долгую рвоту), она успокаивается, и Нэт протягивает мне полотенце.

– Давай отведем ее в комнату напротив и положим на кровать. Ей надо проспать, – говорит он. Я киваю и тут же понимаю, что не могу оставить Стеф одну, без сознания. – Ты там тоже можешь остаться, – говорит он, будто бы прочитав мои мысли.

Вдвоем поднимаем ее с пола и ведем по коридору в темную спальню. Аккуратно

укладываем стонущую Стеф на кровать, и Нэт тут же исчезает, сказав, что проведает нас попозже. Я сажусь рядом со Стеф, чтобы убедиться, что ее голова повернута набок.

Трезвая, рядом с пьяной девицей посреди шумной вечеринки. Да уж, опускаюсь на более низкий уровень. Я включаю лампу, чтобы осмотреть комнату, и утыкаюсь взглядом в книжные полки, полностью занимающие одну из стен. С интересом читаю заголовки. Хозяин библиотеки внушает уважение: здесь много классики, самые разные произведения, в том числе и несколько моих любимых. Нахожу «Грозовой перевал», беру с полки. Книжка изрядно потрепана, видимо, читали ее не раз.

Так глубоко ухожу в повествование Эмили Бронте, что не замечаю ни света от открытой двери, ни появления еще одного человека.

– Какого черта ты делаешь в моей комнате? – раздается позади меня сердитый голос.

Я уже знаю, чей это акцент.

Хардин.

– Я спрашиваю, что, черт возьми, ты делаешь в моей комнате? – повторяет он так же резко, как в первый раз.

Обернувшись, я вижу его длинные ноги. Хардин выхватывает у меня из рук книгу и швыряет обратно на полку.

Голова кругом. Я уж думала, что хуже быть не может, – и вот я еще и в комнате Хардина.

Он грубо окликает меня и машет ладонью перед глазами.

– Нэт велел привести сюда Стеф, – лепечу я едва слышно. Хардин подходит на шаг и с шумом втягивает воздух. Я указываю на постель, и он переводит взгляд. – Она слишком много выпила, и Нэт сказал...

– Я уже понял.

Он явно расстроено проводит рукой по грязным волосам. Почему ему так не нравится, что мы в его комнате? Стоп!

– Ты член этого братства? – спрашиваю я.

В моем голосе звучит нескрываемое изумление. Хардин очень далек от моего представления о студентах, входящих в такие сообщества.

– Да, и что? – отвечает он, подходя еще на шаг. Расстояние между нами – не больше двух футов, и когда я пытаюсь немного отодвинуться, то упираюсь спиной в книжный шкаф. – Для тебя это сюрприз, Тереза?

– Хватит называть меня Терезой.

Он загоняет меня в угол.

– Тебя же так зовут, правда? – Он усмехается, немного оживляясь.

Я вздыхаю и отворачиваюсь, упираясь лицом в книжные полки. Не знаю, куда мне идти, но хочу куда-нибудь деться от Хардина, иначе я его стукну. Или расплачусь. У меня был тяжелый день, так что я скорее расплачусь, чем дам пощечину. Скорее всего, так и будет.

Я поворачиваюсь и прохожу мимо него.

– Она не может тут оставаться, – говорит он.

Обернувшись, я замечаю у него в губе колечко. Почему он решил проколоть губу и бровь? Это, наверно, очень больно... и к тому же подчеркивает его полные губы.

– Почему? Я думала, вы друзья?

– Так и есть. Но никто не остается в моей комнате.

Его руки сложены на груди, и в первый раз с момента знакомства я разбираю, что изображено на тату. Это цветок, в центре предплечья. Хардин – и цветок? Издалека похоже на розу в черно-серых тонах, к тому же ее дополнительно оживляют полутени.

Чувствуя злость и раздражение, я усмехаюсь.

– Да... понимаю. Значит, к тебе могут заходить только девчонки, которые с тобой спят?

Он хмыкает.

– Та комната была не моя. Но если ты пытаешься сказать, что хочешь со мной

переспать, то, извини, ты не в моем вкусе.

Не знаю почему, но его слова меня сильно задевают. Хардин далек от моего типа мужчин, но я никогда не сказала бы ему это вслух.

– Ты... ты...

От возмущения не могу подобрать слова. Музыка за стеной гремит все назойливей. Я смущена, разозлена и не знаю, что ответить. Продолжать пререкания бессмысленно.

– Хорошо. Тогда отведи ее в другую комнату, а я возвращаюсь в общежитие.

Когда я хлопаю дверь, то сквозь шум слышу насмешливый голос Хардина:

– Спокойной ночи, Тереза.

Глава 10

На лестнице не могу сдержать слез. Я уже ненавижу колледж, хотя занятия еще не начались. Почему мне не попалась соседка, похожая на меня? Я должна сейчас отсыпаться перед понедельником. Я не создана для таких вечеринок, и мне не стоит общаться с такими людьми. Мне нравится Стеф, но я не хочу присутствовать при таких сценах и общаться с людьми типа Хардина. Для меня он загадка; с одной стороны, я не понимаю, как он может быть таким придурком? Но потом думаю о книжных полках – зачем ему все это? Что такой грубый, циничный, татуированный болван, как Хардин, может понимать в этих прекрасных произведениях? По-моему, единственное, что он способен прочесть, это этикетка на пивной бутылке.

Утирая слезы, я понимаю, что не знаю, где нахожусь и в какой стороне общежитие. Чем больше я думаю о том, что случилось, тем больше раздражаюсь и злюсь.

Я должна была это предусмотреть; именно потому, что я всегда все просчитываю, такие вещи не происходят. Дом до сих пор битком, по-прежнему музыка гремит. Нэта нигде не видно, Зеда тоже. Может, стоит просто найти пустую спальню и лечь на полу? Тут по меньшей мере пятнадцать комнат, может, повезет, и я найду пустую? Я не могу успокоиться, как ни стараюсь, но не хочу, чтобы внизу меня видели в таком состоянии. Я захожу в ванную, где была со Стеф, и сажусь на корточки.

Набираю Ноя, и на этот раз он берет трубку.

– Тесс? Уже поздно, у тебя все нормально? – произносит он заспанным голосом.

– Привет. Нет! Я пошла на дурацкую вечеринку с соседкой и застряла в каком-то доме, тут негде спать, и я не знаю, как вернуться в общежитие, – рыдаю я в трубку.

Понимаю, что моя ситуация – отнюдь не вопрос жизни и смерти, но я слишком подавлена, чтобы самостоятельно с ней разобраться.

– На вечеринку? С этой рыжей? – удивленно спрашивает Ной.

– Да, со Стеф. Но она отключилась.

– Ух ты, а почему ты с ней пошла? Она же такая... в общем, ты вроде с такими не водишься, – говорит он.

Его менторский тон меня раздражает. Я хотела, чтобы он поддержал меня, заверил, что завтра все будет хорошо, сказал что-нибудь позитивное, а не такое холодное и осуждающее.

– Это не все, Ной, – говорю я, но в этот момент дверная ручка дергается, и я встаю с корточек. – Минуточку! – кричу я человеку снаружи и вытираю глаза куском туалетной бумаги, отчего макияж размазывается еще больше: именно поэтому я редко пользуюсь карандашом для глаз.

– Я тебе перезвоню; кто-то ломится в ванную, – говорю я Ною и отключаюсь прежде, чем он успеет возразить.

Снаружи снова начинают стучать, и я в спешке открываю, все еще вытирая, глаза.

– Я же сказала, мин...

И затыкаюсь, увидев знакомые зеленые глаза.

Глава 11

Я вдруг понимаю, что до этого момента не знала, какого цвета его глаза. Видимо, потому что сейчас Хардин впервые смотрит прямо на меня. Удивительные, глубокие, потрясающие глаза. Хардин отводит взгляд, и я, оттолкнув его, бросаюсь мимо. Он хватается за руку и тянет назад.

– Не трогай меня! – кричу я, вырываясь.

– Ты плакала? – спрашивает он, и тон его не кажется равнодушным.

Не будь это Хардин, я бы подумала, что он действительно за меня беспокоится.

– Оставь меня в покое!

Он преграждает мне дорогу, не дает пройти. Не могу больше выносить эти его шутки, на сегодня довольно.

– Хардин, пожалуйста! Прошу, если в тебе есть хоть что-то человеческое, оставь меня в покое. Оставь все, что хочешь мне сказать, на завтра. Пожалуйста!

Мне уже все равно, слышит ли он в моих словах отчаяние и слабость. Мне просто хочется, чтобы он меня не доставал.

В его глазах мелькает замешательство. С минуту он молча на меня смотрит.

– Дальше по коридору есть пустая комната, в которой вы можете переночевать. Я перенес туда Стеф, – наконец говорит он.

Жду продолжения, но он молчит. Просто глядит на меня.

– О'кей, – спокойно говорю я, и Хардин меня пропускает.

– Третья дверь слева, – бросает он и исчезает в своей комнате.

Что за черт? Хардин – и без своих обычных повадок? Уверена, завтра он при моем появлении обязательно что-нибудь съязвит. У него наверняка есть специальный ежедневник для колкостей, как у меня – для домашних заданий, и я точно там записана.

Третья комната по коридору намного меньше, чем та, где живет Хардин, и в ней две кровати. Больше похоже на обычную общагу. Он что тут, главный? Скорее уж с ним никто не связывается, и он выбил себе самую большую комнату. Стеф лежит на кровати возле окна, я снимаю кеды и перед тем, как запереть дверь и лечь самой, укрываю подругу одеялом.

В голове мелькают события сегодняшнего суматошного дня, и через мои сны проносятся черно-серые розы и суровые зеленые глаза.

Глава 12

Я просыпаюсь и некоторое время соображаю, что случилось и почему я оказалась в этой незнакомой спальне. Стеф еще спит, храпит, широко открыв рот. Я решаю ее не будить, пока не узнаю, как нам вернуться в общежитие. Быстро натянув обувь и захватив сумку, выхожу в коридор. Постучаться к Хардину или лучше найти Нэта? Может, Нэт тоже состоит в братстве? Никогда бы не подумала, что Хардин – член какой-то организации, так что, не исключено, насчет Нэта я тоже ошибаюсь.

Переступая через тела, спускаюсь вниз.

– Нэт? – с надеждой зову я.

В одной только гостиной спят человек двадцать пять, не меньше. Пол усеян мусором и красными кружками так, что некуда ступить, и я понимаю, как на самом деле чисто наверху. Захожу в кухню и еле удерживаю себя, чтобы не начать наводить порядок. На это наверняка ушел бы весь день. Представляю себе Хардина, убирающего весь этот бардак, и усмехаюсь.

– Что смешного?

Я оборачиваюсь и вижу Хардина с мешком в руке. Он сметает рукой со стола мусор вместе с кружками.

– Ничего, – вру я. – Нэт тоже тут живет, так ведь?

Он ничего не отвечает и продолжает убирать со стола.

– Да? – нетерпеливо спрашиваю я снова. – Чем быстрее ты мне ответишь, тем быстрее я

отсюда уеду.

– Ну-ну, я тебя слышал. Нет, он тут не живет. Он что, похож на студента из братства? – ухмыляется Хардин.

– Вы оба не похожи, – парирую я, и он хмурится.

Обходит меня и открывает шкаф рядом со мной, достает бумажные полотенца.

– Где-нибудь рядом ходит автобус? – спрашиваю я, не надеясь на ответ.

– Да, через квартал отсюда.

Я тащусь за ним по кухне.

– Можешь сказать, где это?

– Конечно. Это через квартал. – Он улыбается углом рта – дразнит.

Закатываю глаза и выхожу из кухни. Ночная вспышка вежливости была, по всей видимости, разовой акцией, и сегодня Хардин обрушится на меня в полную силу. После того, что было, мне даже стоять рядом с ним не хочется.

Иду будить Стеф. Она просыпается на удивление легко и даже с улыбкой. Я рада, что она тоже хочет уехать из этого проклятого студенческого братства.

– Хардин сказал, тут недалеко автобусная остановка, – говорю я ей, пока мы спускаемся.

– Мы не найдем этот дурацкий автобус. Кто-нибудь из этих дебилов отвезет нас домой. Ты, наверное, обратилась к нему в неподходящий момент, – говорит она и кладет руку мне на плечо.

Мы обнаруживаем Хардина на кухне: он выгребает из духовки банки из-под пива. Стеф берет инициативу на себя.

– Хардин, можешь сейчас нас отвезти? У меня голова раскалывается.

– Конечно, минутку, – отвечает он, как будто этого и ждал.

По пути домой Стеф подпеваешь грохочущему через динамики хэви-металу, а Хардин, несмотря на мои вежливые просьбы, открывает в машине все окна. Всю дорогу он молчит, бездумно барабанил по рулю длинными пальцами. Я не обращаю на него внимания.

– Я зайду попозже, Стеф, – говорит он, когда мы вылезаем из машины.

Она кивает и машет рукой.

– Пока, Тереза, – с усмешкой говорит мне Хардин.

Я отворачиваюсь и иду вслед за Стефом.

Глава 13

Остаток выходных проходит быстро, я не вижу с Хардином. В воскресенье ухожу за покупками до его появления и возвращаюсь поздно, когда он, скорее всего, уже ушел.

Убираю купленную одежду в тумбочку, но пока я складываю ее, в голове звучит неприятный голос: «Ты в курсе, что мы собираемся на вечеринку, а не в церковь?»

Полагаю, то же самое он сказал бы и о моих обновлениях, поэтому решаю не ходить больше на вечеринки со Стефом и вообще не появляться там, где может оказаться Хардин. Он мне не друг, а пререкаться с ним слишком утомительно.

В понедельник утром я как нельзя лучше готова к первому учебному дню. Специально просыпаюсь рано, чтобы не спеша принять душ, не нервничая из-за болтающихся вокруг парней. Белая блузка на пуговицах и темная юбка в складку тщательно выглажены. Я одеваюсь, укладываю волосы и вешаю сумку на плечо. Я уже готова – на пятнадцать минут раньше, чтобы точно не опоздать, – и тут звенит будильник Стеф. Она нажимает кнопку «отложить», и я не знаю, надо ли мне ее поднять. У нее занятия могут начинаться позже, или она не собирается идти. Идея пропустить первый день кажется мне дикой, но Стеф – второкурсница, так что, наверное, знает, что делает.

Еще раз окинув взглядом отражение в зеркале, отправляюсь на свое первое занятие. Хорошо, что я изучила карту кампуса и знаю, что до нужного учебного корпуса всего двадцать минут ходьбы. Захожу в свою первую аудиторию, а там – один человек.

Поскольку он, по всей видимости, тоже решил прийти заранее, подсаживаюсь к нему. Он может стать моим первым другом.

– Где все? – спрашиваю я, и он улыбается. Его улыбка сразу меня успокаивает.

– Наверно, вокруг кампуса бегают, чтобы раньше времени не прийти, – шутит он, и я сразу же проникаюсь к нему симпатией. Это тот, кто мне нужен.

– Я Тесса Янг, – говорю я и приветливо улыбаюсь.

– Лэндон Гибсон, – отвечает он мне с такой же замечательной улыбкой, как и в первый раз.

В оставшееся до начала занятия время мы болтаем. Я узнаю, что он в группе английского, как и я, и у него есть девушка по имени Дакота. Лэндон не подкалывает меня и не удивляется, когда я говорю, что Ной младше меня на год. Кажется, он тот, с кем я хотела бы общаться. Когда аудитория начинает заполняться, мы с Лэндоном знакомимся с преподавателем.

В течение дня я начинаю жалеть, что взяла пять курсов по выбору вместо четырех. Тороплюсь на лекцию по британской литературе – слава богу, это последняя лекция на сегодня – и едва успеваю вовремя. С радостью вижу в первом ряду Лэндона, и место рядом с ним не занято.

– Привет, опять ты, – улыбается он мне, когда я сажусь.

Профессор начинает лекцию: излагает учебный план на семестр и кратко рассказывает, как он стал профессором и как этому рад. Мне нравится, что, в отличие от школы, в колледже не заставляют студентов вставать перед классом и представляться или делать другие ненужные глупости.

В середине рассказа о списке обязательной литературы скрипит дверь, и я едва не вскрикиваю при виде Хардина.

– Просто прекрасно, – с сарказмом бормочу я.

– Ты знаешь Хардина? – спрашивает Лэндон.

Хардин, видимо, известен всему кампусу, раз его знает даже такой замечательный парень, как Лэндон.

– Типа того. Моя соседка с ним дружит. Но мне он не нравится, – шепчу я.

Как раз в этот момент взгляд Хардина упирается в меня, и я начинаю волноваться, что он меня слышал. Что он теперь будет делать? А вообще, даже если и так – не похоже, что ему есть дело до того, как я к нему отношусь.

Мне любопытно, что Лэндон слышал о нем, и я не могу удержаться от вопроса.

– А ты его знаешь?

– Да... он... – Лэндон обрывает фразу и оглядывается.

Смотрю туда же и вижу Хардина, развалившегося за соседней партой. Лэндон замолкает и внимательно слушает профессора вместе с остальным классом.

– На сегодня все. Увидимся в среду, – говорит профессор Хилл, отпуская нас.

На улице я сообщаю Лэндону:

– Кажется, этот предмет станет моим любимым. – И он кивает.

Но меняется в лице, когда мы видим, что рядом с нами идет Хардин.

– Тебе чего? – спрашиваю я его, стараясь быть такой же грубой, как и он.

Но прием не действует, или у меня не те интонации; Хардина вопрос, кажется, только развеселил.

– Ничего. Так. Я рад, что у нас общие лекции, – насмешливо говорит он и проводит рукой по волосам, отбрасывая их со лба.

Замечаю на его запястье символ бесконечности, но он отпускает руку прежде, чем я успеваю еще что-нибудь разглядеть.

– Пока, Тесса, – словно извиняясь, говорит Лэндон.

– Ты умудрилась найти себе в друзья главного неудачника, – говорит Хардин, глядя ему вслед.

– Не говори так, он славный парень. Не то, что ты.

Сама удивляюсь своей грубости. Хардин на меня плохо влияет.

Он поворачивается ко мне.

– А ты с каждым разом все злее, Тереза.

– Если ты еще раз назовешь меня Терезой... – предупреждаю я, и он смеется.

Стараюсь представить его без пирсинга и тату. Даже с ними он симпатичный, но ужасный характер все портит.

Мы сворачиваем к моему корпусу общежития, но через двадцать шагов он кричит мне:

– Хватит на меня таращиться! – поворачивает за угол и исчезает до того, как я успеваю придумать ответ.

Глава 14

После нескольких изнурительных, но увлекательных дней наступает пятница, конец первой учебной недели. Я довольна тем, как она прошла; можно посмотреть в выходные какое-нибудь кино, когда Стеф будет на вечеринке. У меня есть учебные планы на семестр, что очень упрощает жизнь, потому что я могу многое сделать заранее. Беру сумку и выхожу пораньше: выпью кофе, заряджусь энергией на выходные.

– Ты Тесса? – окликает меня женский голос из очереди.

Оборачиваюсь и вижу девушку с розовыми волосами. Молли, кажется.

– Да. Это я, – бурчу, отвернувшись к кассе, чтобы избежать дальнейшего разговора.

– Пойдешь сегодня вечером на вечеринку? – спрашивает она.

Должно быть, издевается. Только я открываю рот, чтобы отказаться, как она говорит:

– Приходи, будет здорово.

Молли перебирает пальцами по большой вытатуированной фее у себя на плече.

Я на минуту задумываюсь и все же качаю головой:

– Извини, у меня на сегодня другие планы.

– Жаль. А Зед хотел тебя видеть. – Я не могу удержаться от улыбки, и она тоже улыбается. – Что? Он только вчера о тебе говорил.

– Не думаю, что... Даже если и так, у меня есть парень, – отвечаю я, но ее улыбка только делается шире.

– Жаль, а то можно было бы объединиться, – двусмысленно говорит она, и я внутренне благодарю бога, что на кассе называют мой заказ.

В спешке хватаю чашку, и горячий кофе проливается мне на руку. Чертыхаюсь, надеюсь, что выходные не продолжатся так же, как начались. Молли машет мне, отвечаю ей вежливой улыбкой и выхожу из кафе. Ее слова не выходят у меня из головы. Объединиться с кем? С ней и Хардином? Они действительно знакомы? Зед, конечно, красавчик, но у меня есть Ной, и я не буду заставлять его страдать. Да, на этой неделе мы мало общались, но это потому, что оба были заняты. Решаю, что надо позвонить ему вечером и узнать, как он там без меня.

После конфуза с чашкой и встречи с мисс Розовые Кудри день вроде бы выправляется.

Мы с Лэндоном договаривались встретиться в кафе перед занятиями, и когда я подхожу, он с улыбкой ждет меня, прислонившись к стене.

– Я уйду с лекции через полчаса. Забыл сказать, сегодня лечу домой на выходные, – говорит он.

Я рада, что Лэндону удастся встретиться с Дакотой, но то, что придется сидеть на британской литературе в одиночестве, мне совсем не нравится. Особенно, если на лекцию заявится Хардин. В среду его не было, насколько я помню.

– Так скоро? Семестр только начался.

– У нее – день рождения, я пообещал там быть еще несколько месяцев назад, – отвечает мой друг, пожимая плечами.

В аудитории Хардин, как обычно, садится позади меня, но не говорит ни слова, даже после того, как Лэндон уходит. В его присутствии лекция меня не так радует.

– В понедельник начинаем обсуждение романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение», – объявляет профессор Хилл в заключение.

Чуть не визжу от радости. Это один из моих любимых романов, я перечитывала его раз десять.

После занятий Хардин подходит ко мне, и по его взгляду я догадываюсь, что он собирается мне сказать очередную гадость.

– Тебе, видимо, очень нравится мистер Дарси.

– Он нравится каждой женщине, читавшей «Гордость и предубеждение», – заявляю я, отвернувшись.

Мы доходим до перекрестка, и я смотрю по сторонам.

– Ну, это точно, – усмехается Хардин, по-прежнему идущий вместе со мной.

– Ты просто не понимаешь, в чем его привлекательность.

Вспоминаю библиотеку в комнате Хардина. Не может быть, чтобы это были его книги. Или может?

– Грубый и нетерпимый мужик становится романтическим героем? Смешно. Если бы у Элизабет было хоть немного мозгов, она сразу послала бы его подальше.

По-моему, это очень смешно, но я заставляю себя промолчать. Мне нравится наша небольшая стычка о литературе. Впрочем, это ненадолго, максимум минуты на три – пока он не брякнет что-нибудь неприятное. Поднимаю глаза и вижу ямочки на щеках Хардина. Он улыбается, и я не могу не признать, что он красив. Даже с пирсингом.

– Значит, ты согласна, что Элизабет – дура? – Он приподнимает бровь.

– Нет, она является одним из самых ярких и самых сложных из когда-либо описанных персонажей. – Я защищаю героиню романа, повторяя фразу из любимого фильма.

Он смеется, и я смеюсь вместе с ним. Но через несколько секунд он резко обрывает смех, и в его глазах что-то мелькает.

– Пока, Тереза, – говорит он, поворачивается на каблуках и уносится обратно.

Что с ним? Прежде, чем я успеваю об этом подумать, звонит телефон. Это Ной; почему-то я чувствую себя виноватой.

– Привет, Тесс, собирался тебе ответить, но решил лучше позвонить.

Голос слышен с перебоями и как-то глухо.

– Чем занимаешься? Ты занят?

– Нет, просто поехал встретиться с друзьями в гриль-бар.

– Классно, не буду мешать. Хорошо, что прошла учебная неделя. Жду выходных!

– Снова собираешься на вечеринку? Твоя мама все еще сердится.

Так. Он что, разболтал маме? Мне нравится, что они так хорошо общаются, но иногда Ной похож на младшего брата-ябеду. Самой неприятно, но это правда.

Но я сдерживаюсь.

– Нет, в эти выходные останусь дома. Я скучаю по тебе.

– Я тоже скучаю по тебе, Тесс. Позвони мне вечером, хорошо?

Я обещаю, и мы обмениваемся «Я тебя люблю» перед тем, как окончательно распрощаться.

Когда я прихожу в общагу, Стеф собирается на вечеринку, о которой говорила Молли, в братстве Хардина. Ищу в Интернете кино на вечер.

– Жаль, что ты не хочешь пойти. Клянусь, на ночь мы там больше не останемся. Просто ненадолго заглянем. Киснуть в этой конуре и смотреть в одиночестве кино – это ужасно! – ноет Стеф.

Она продолжает меня уговаривать все время, пока расчесывается и три раза меняет платье. В результате останавливается на зеленом, оставляющем очень мало пространства для воображения. Надо признать, зеленый очень идет к ее рыжей шевелюре. Завидую ее смелости. Я тоже, в общем-то, уверена в себе, но знаю, что грудь и бедра у меня крупнее, чем у большинства сверстниц. Обычно я ношу одежду, скрывающую бюст, Стеф же, наоборот, старается привлечь к груди как можно больше внимания.

– Это точно, – отшучиваюсь я.

Но в этот момент экран моего ноутбука гаснет, я жму на кнопку питания, жду... но ничего не меняется. Экран по-прежнему остается темным.

– Видишь! Это знак. Ты должна ехать на вечеринку. Мой ноутбук у Нэта, так что выхода нет, – ухмыляется Стеф, лохматая волосы.

Смотрю на нее и понимаю, что и вправду не хочу торчать одна в комнате без дела и без кино.

– Ладно, – говорю я, и она прыгает по комнате, хлопая в ладоши. – Но мы уедем до полуночи.

Глава 15

Я снимаю пижаму и натягиваю новые джинсы. Они плотнее, чем мои обычные штаны, но у меня уже накопилась гора одежды в стирку, и выбор невелик. Сверху надеваю обычную блузку-безрукавку с кружевами на плечах.

– Вау, мне реально нравится твой прикид! – говорит Стеф.

Я улыбаюсь, и соседка снова предлагает мне карандаш.

– Нет, не стоит. – Я вспоминаю, как на прошлой вечеринке макияж размазался от слез. Почему я согласилась опять туда поехать?

– Ладно. Вместо Нэта нас захватит Молли; она пишет, что будет с минуты на минуту.

– Мне кажется, она меня недолюбливает, – говорю я, стоя перед зеркалом.

Стеф оборачивается на меня.

– Что? Нет. Просто она немного стервозная и говорит, что думает. И, кроме того, она тебя боится.

– Боится? Меня? С какой стати? – смеюсь я.

– Наверно, просто потому, что ты другая.

Я знаю, что не похожа на них, но и для меня они – «другие».

– Не парься, она сегодня будет занята.

– Хардином? – спрашиваю я, прежде чем успеваю подумать.

Я смотрю в зеркало, но краем глаза замечаю, как бровь Стеф приподнимается.

– Нет, скорее Зедом. Она меняет парней каждую неделю.

Это не самое лучшее, что можно сказать про подругу, но Стеф только улыбается и поправляет лямку.

– Так она не встречается с Хардином? – В памяти всплывает постельная сцена недельной давности.

– Нет. Хардин ни с кем не встречается. Он трахается со многими девчонками, но не встречается ни с одной. Вообще.

– Вот как! – Это все, что я могу ответить.

Сегодняшняя вечеринка оказалась точной копией предыдущей. Дом и лужайка забиты пьяными. Почему я не могла остаться дома и валяться на кровати, разглядывая потолок?

Молли исчезает сразу же. В итоге я оказываюсь на диване и сижу там примерно час, пока не замечаю Хардина.

– Ты выглядишь... иначе, – говорит он после короткой паузы. Его глаза обшаривают мое тело и останавливаются на лице. Он даже не пытается скрыть, как именно оценивает меня. Я молчу до тех пор, пока не ловлю его взгляд. – Твоя одежда тебе сегодня действительно идет.

Я закатываю глаза и одергиваю блузку. Внезапно думаю: зря я не оделась как обычно.

– Не ожидал тебя здесь увидеть.

– Вообще-то, я сама не ожидала, – говорю я и отхожу в сторону.

Он не идет за мной, хотя я почему-то этого хочу.

Через несколько часов Стеф снова пьяна. Как и все остальные.

– Давайте сыграем в «Правду или действие», – орет Зед.

Вокруг дивана собирается небольшая компания. Молли приносит бутылку с чем-то прозрачным, они с Нэтом делают по глотку. Хардин обхватывает своей ручищей кружку и тоже отпивает. Пришла еще одна девица-панк; итого, Хардин, Зед, Нэт, сосед Нэта Тристан, Молли, Стеф и новая девчонка.

Я думаю, что такие пьяные игры ничем хорошим не заканчиваются, но в этот момент Молли говорит:

– Ты тоже играешь, Тесса.

– Не хочу, – говорю я, глядя в пол.

– Конечно, ведь для этого надо целых пять минут не быть ханжой, – комментирует Хардин, и все, кроме Стеф, смеются.

Его слова меня злят. Я не ханжа. Я, конечно, не такая отвязная, как они, но и не монашка. Испепеляю Хардина взглядом и сажусь в круг между Нэтом и новой девчонкой. Хардин смеется и что-то шепчет Нэту.

За первые несколько конов Зед успевает выпить бутылку пива, Молли, смеясь, показывает всем голую грудь, а Стеф признается, что у нее проколоты соски.

– Правда или действие, Тереза? – спрашивает Хардин, и я пугаюсь.

– Правда, – пишу я в ответ.

Он смеясь бормочет «ну конечно», но я не обращаю внимания, а Нэт потирает руки.

– Ладно. Ты... девственница? – спрашивает Зед.

Я задыхаюсь. Никто так не нервничает, отвечая на пошлые вопросы, как я. Все вокруг смеются, а мои щеки просто полыхают.

– Ну? – подгоняет Хардин.

Мне хочется убежать куда-нибудь и спрятаться, но я просто киваю. Конечно, девственница; мы с Ноем никогда не заходили дальше тесных объятий и поглаживаний, в одежде разумеется.

Однако никого мой ответ особенно не удивляет, скорее занимает.

– Значит, ты с Ноем два года, и у вас ни разу не было секса? – удивляется Стеф, и мне становится неудобно.

Молча киваю.

– Хардин ходит, – быстро говорю я, чтобы поскорее отвлечь от себя внимание.

Глава 16

– Действие, – отвечает Хардин быстрее, чем я задаю вопрос.

Он смотрит на меня с вызовом; по глазам понятно, что он не боится и не смутится сделать то, что попросят.

Я в нерешительности: что бы приказать? Такой готовности я не ожидала. Что бы заставить его сделать? Я уверена, что он сделает все, чтобы не ударить в грязь лицом.

– Хм... Сделай...

– Что? – торопит он.

Хочу, чтобы сказал что-нибудь хорошее о каждом участнике, но потом отказываюсь от этой мысли. Но было бы интересно.

– Сними футболку и сиди так всю игру! – кричит Молли, и я вздыхаю с облегчением; конечно, не потому, что он разденется, а потому, что не надо мучиться и придумывать задание.

– Как-то по-детски, – бормочет он и стягивает футболку.

Помимо воли рассматриваю его тело и татуировки на загорелой коже. Под птицами на груди по животу набито разлапистое дерево с длинными голыми ветвями. На плечах гораздо больше тату, чем я думала; маленькие и, кажется, не связанные между собой изображения и символы разбросаны от плеч до бедер. Стеф пинает меня в бок, и я отвожу взгляд. Надеюсь, никто не заметил, как я пялилась.

Игра продолжается. Молли целует Тристана и Зеда. Стеф рассказывает о своем первом

сексе. Нэт целует незнакомую мне девчонку.

Как я оказалась в компании этих озабоченных лузеров?

– Тесса, правда или действие? – кричит Тристан.

– Да что спрашивать, и так ясно, что она правду выберет, – перебивает Хардин.

– Действие, – говорю я, неожиданно для всех и для самой себя.

– Хм... Тесса, ты должна... выпить рюмку водки, – улыбается Тристан.

– Я не пью.

– Это твое действие.

– Слушай. Если ты не хочешь... – начинает Нэт, но я вижу, как Хардин и Молли перемигиваются.

– Одну рюмку, – говорю я.

Мне кажется, Хардин должен еще больше надо мной смеяться, но оказывается, он как-то очень странно на меня смотрит. Кто-то вручает мне полную бутылку водки. Подношу горлышко к ноздрям и вдыхаю отвратительный запах; нос обжигает изнутри. Я морщусь, стараясь не обращать внимания на смешки. Пытаюсь не думать о том, кто прикасался к горлышку губами до меня, я запрокидываю голову и глотаю. Водка обжигает внутренности, но мне удается ее проглотить. Вкус мерзкий. Все аплодируют, кто-то смеется, но не Хардин. Не знаю я его лучше, подумала бы, что он псих или сильно расстроился. Так странно он смотрит.

Скоро у меня горят щеки, и я осмеливаюсь сделать еще глоток. Признаться, на этот раз пить проще. Становится хорошо. Все кажется намного легче и лучше, чем раньше. И люди вокруг веселее.

– Давай действие, – говорит Зед со смехом и отпивает большой глоток перед тем, как передать мне бутылку в пятый раз.

Не могу вспомнить, какие были ответы в игре последние несколько раундов. На этот раз я делаю два глотка, но тут бутылку вырывают у меня из рук.

– Думаю, тебе достаточно, – говорит Хардин, передавая бутылку Нэту.

Кто, черт побери, такой Хардин Скотт, чтобы решать, когда мне достаточно? Все пьют, значит, и я могу. Вырываю у Нэта бутылку и пью, убедившись, что Хардин видит, как я усмехаюсь.

– Не верю, что ты никогда раньше не пила, Тесса. Весело, правда? – спрашивает Зед, и я хихикаю.

В памяти всплывают мамины предостережения, но я прогоняю эти мысли. Это только сегодня ночью.

– Хардин, правда или действие? – спрашивает Молли.

Конечно, он выбирает действие.

– Поцелуй Тессу, – приказывает она, криво усмехаясь.

Глаза Хардина расширяются, и хотя я сильно пьяна, мне хочется убежать.

– Нет, у меня есть парень, – говорю я, и все в сотый раз надо мной смеются.

Почему я должна торчать в компании, где только и делают, что надо мной смеются?

– Ну и что? Это просто игра, – говорит Молли, подталкивая меня.

– Нет, я не буду ни с кем целоваться, – отрезаю я и встаю.

Хардин пьет из кружки, не глядя на меня. Наверное, обиделся. Но меня это не волнует. У нас это обычная форма общения. Я ему не нравлюсь, а он слишком груб.

Когда я пытаюсь пошевелить ногами, меня накрывает. Спотыкаюсь, но мне удается взять себя в руки и отойти в сторону. Наконец, нахожу дверь на улицу; снаружи мне в лицо бьет прохладный ветер. Я закрываю глаза и дышу свежим воздухом, потом сажусь возле знакомого забора. Не успеваю осознать, что делаю, набираю номер Ноя.

– Алло? – говорит он.

Знакомый голос и водка в крови заставляют еще сильнее почувствовать, как мне его не хватает.

– Привет... милый, – говорю я, подтягивая колени к груди.

Минуту он молчит.

– Тесса, ты пьяна? – В голосе слышится осуждение. Не надо было звонить.

– Нет... конечно, нет, – вру я и прерываю разговор.

Затем выключаю телефон. Не хочу, чтобы он перезванивал. Он портит удовольствие от выпивки еще больше, чем Хардин.

Я снова иду в дом, не обращая внимания на свист и грубости подвыпивших парней. Я беру на кухне какую-то бутылку и пью, пью слишком много. На вкус еще хуже водки, сильно жжет. Ищу что-нибудь, чтобы прополоскать горло, и наконец достаю из шкафа бокал и наливаю в него воду из-под крана. Это помогает, но ненадолго. Сквозь толпу вижу, что мои «друзья» все еще играют в свою дурацкую игру. Друзья ли они мне? Не думаю. Они терпят меня только потому, что им нравится потешаться над моей наивностью. Как смела Молли заставлять Хардина меня целовать, когда знает, что у меня есть парень? Я, в отличие от нее, не сплю со всеми подряд. Я и целовалась-то только с двумя парнями за всю жизнь – с Ноем и с Джонни, веснушчатый мальчишкой из третьего класса, который потом ударил меня ногой. Выполнил бы Хардин это действие? Наверняка. Его губы такие розовые и пухлые, что, когда я представляю, как он наклоняется, чтобы меня поцеловать, колотится сердце.

Какого черта? Почему я представляю себе, как целуюсь с ним? Никогда больше не буду пить.

Через несколько минут комната начинает двоиться, я чувствую, что меня мутит. Ноги сами несут меня в ванную, сажусь перед унитазом, ожидая, что меня стошнит. Но ничего не происходит. Я со стоном поднимаюсь. Я хочу вернуться в общежитие, но Стеф, я знаю, очнется только через несколько часов. Не надо было приходить. И вот опять.

Не успеваю остановиться – и открываю дверь единственной комнаты в этом громадном доме, которая мне уже известна. Спальня Хардина открыта. Он говорил, что всегда запирает дверь, но сейчас, видимо, исключение из правила. Комната выглядит точно так же, как в прошлый раз, только под моими ногами чуть качается пол. «Грозового перевала» нет на полке, книжка лежит рядом с «Гордостью и предубеждением» на тумбочке. Вспоминаю замечания Хардина по поводу этого романа. Он явно читал его раньше и понял, что для людей нашего с ним возраста – редкость, а для парней – особенно. Может, ему задавали читать роман год назад. Тогда почему сейчас книжка не на полке? Я беру ее и сажусь на кровать, открыв книгу на середине. Я читаю страницу за страницей, и комната перестает качаться.

Я так погружаюсь в мир Екатерины и Хитклифа, что не слышу, как дверь открывается.

– Какое слово во фразе «никто сюда не заходит» ты не поняла? – рявкает Хардин.

Его злое лицо меня смешит и пугает одновременно.

– И-извини, я...

– Убирайся! – гремит он, а я гляжу на него.

В моей крови еще достаточно алкоголя, чтобы ответить.

– Ты когда-нибудь перестанешь быть идиотом? – кричу я громче, чем собиралась.

– Ты снова зашла в мою комнату, после того как я тебе сказал не заходить. Так что проваливай! – орет он, подходя ближе.

Хардин стоит напротив меня, смотрит презрительно и злобно, словно я его злейший враг. И внутри меня что-то шелкает.

Теряю самообладание и задаю ему вопрос, который давно собираюсь, хоть и не признавалась себе в этом.

– Чем я тебе не нравлюсь? – спрашиваю я, глядя на него снизу вверх.

Это прямой вопрос, но, честно говоря, не уверена, что мое ущемленное самолюбие сможет воспринять ответ.

Глава 17

Хардин смотрит на меня в упор. Агрессивно, но он явно в замешательстве.

– Почему ты спрашиваешь?

– Не знаю... Потому что ты мне приятен, просто так, а ты просто так, ни с чего, со мной груб. Я думала, мы когда-нибудь сможем стать друзьями.

Это так глупо, что я смущенно тру переносицу пальцами в ожидании ответа.

– Мы? Друзьями? – Хардин со смехом разводит руками. – Разве не очевидно, что мы не можем быть друзьями?

– Мне – нет.

– Ну, во-первых, ты слишком напрягаешься. Вероятно, ты выросла в типичном коттедже, похожем на любой другой в квартале. Твои родители, наверное, покупали тебе все, что ты хочешь, и ты ни в чем не нуждалась. Ну, хотя бы эти твои дурацкие юбки в складку. Правда, кто так одевается в восемнадцать?

У меня глаза лезут на лоб.

– Ты ничего не знаешь обо мне, ты просто напыщенный дурак! Моя жизнь не такая, как ты описал. Мой отец-алкоголик бросил нас, когда мне было десять, и мать работала как лошадь, чтобы я смогла поступить в колледж. Я сама пошла работать в шестнадцать, чтобы помочь матери с налогами. И, кстати, мне нравится моя одежда. Извини, что я не выгляжу, как шлюха, как все девчонки вокруг тебя! – кричу я, чувствуя, как на глазах выступают слезы.

Отворачиваюсь, чтобы он не успел заметить слез, и вижу, как он сжимает кулаки. Как будто сердится на свои слова.

– Знаешь что, я не хочу, чтобы мы были друзьями, Хардин, – говорю я и иду к выходу.

Водка, сделавшая меня храброй, заставила меня почувствовать и то, как тяжела вся эта сцена.

– Куда ты? – спрашивает он. Внезапно. И печально.

– На автобусную остановку, вернусь к себе и никогда, никогда не появлюсь тут снова. Хватит с меня попыток с вами подружиться.

– Поздновато ездить в автобусе одной.

Я поворачиваюсь к нему.

– Ты правда хочешь сделать вид, будто волнуешься, что со мной может что-то случиться?

Я смеюсь. Я не могу контролировать свой голос.

– Я не делаю вид, я волнуюсь. Просто предупреждаю тебя. Это не лучшая мысль.

– У меня нет выбора, Хардин. Тут все пьяны – и я в том числе.

Больше не могу сдерживать слезы. Ужасно унижительно, что Хардин и все остальные видят меня в слезах. Второй раз.

– Ты всегда плачешь на вечеринках?

– Видимо, когда ты на них присутствуешь. А поскольку на других я не была...

Снова иду к двери и открываю ее.

– Тереза, – говорит он настолько мягко, что я почти не слышу.

Его лицо расплывается. Комната снова начинает плясать, и я хватаюсь за полку рядом с дверью.

– Все в порядке? – спрашивает он.

Я киваю, хотя меня начинает тошнить.

– Может, присядешь на пару минут? А потом дойдешь до остановки.

– Я думала, никому нельзя находиться в твоей комнате, – говорю я и сажусь на пол.

Я икаю, и он немедленно предупреждает:

– Если собираешься блевать в моей комнате...

– Наверное, мне просто нужно попить воды – говорю я, пытаюсь подняться.

– Возьми, – говорит он и кладет мне руку на плечо, не давая встать.

Передо мной – красная кружка.

Я морщусь и отталкиваю ее.

– Я сказала воды, а не пива.

– Это вода. Я не пью.

Из меня вырывается что-то между вздохом и смехом. Не может быть, чтобы Хардин не пил!

– Смешно. Ты же не собираешься сидеть тут и со мной нянчиться?

Мне просто хочется остаться в одиночестве. Опыянение отступает, и мне стыдно за то, что наорала на Хардина.

– Ты делаешь меня хуже, – не совсем осознанно бормочу я.

– Это плохо, – говорит он серьезно. – Да, я собираюсь сидеть тут и нянчиться. Ты пьяна впервые в жизни, а кроме того, у тебя есть привычка брать мои вещи в мое отсутствие.

Он садится на кровать, подогнув ноги. Я встаю и беру кружку с водой. Делаю большой глоток, чувствую привкус мяты на ободке и не могу не гадать, каковы губы Хардина на вкус. Но когда вода в желудке смешивается с алкоголем, мне становится не до этого.

«Господи, никогда больше не буду пить!» – обещаю себе, сидя на полу.

Через несколько минут Хардин снова начинает:

– Можно, я задам тебе вопрос?

По выражению его лица понимаю, что лучше сказать «нет», но комната продолжает качаться. Думаю, что, может, смогу быстрее протрезветь во время общения, поэтому отвечаю:

– Конечно.

– Что ты собираешься делать после колледжа?

Я удивленно гляжу на Хардина. Это последнее, что я ожидала сейчас от него услышать. Думала, он наверняка задаст вопрос вроде «Почему ты девственница?» или «Почему ты не пьешь?».

– Ну, я хотела бы стать писателем или издателем.

Видимо, не стоит с ним откровенничать; скорее всего, он снова решил надо мной поиздеваться. Но он не отвечает, и я, набравшись духу, спрашиваю о том же. В ответ Хардин смотрит на меня и молчит.

– Это твои книги? – спрашиваю я, не надеясь на ответ.

– Да, – бормочет он.

– Какая твоя любимая?

– У меня нет любимых

Я вздыхаю и тереблю маленькую затяжку на джинсах.

– Господин Роджерс в курсе, что ты сегодня снова на вечеринке?

– Господин Роджерс? – Я недоуменно оглядываюсь.

– Твой парень. Самый большой кретин, которого я видел.

– Не говори так о нем! Он... он... замечательный, – я заикаюсь.

Хардин смеется, и я вскакиваю. Он же вообще не знает Ноя!

– Тебе остается только мечтать быть таким хорошим, как он, – резко говорю я.

– Хорошим? Это первое, что тебе приходит в голову, когда ты говоришь о своем парне? «Хороший» в данном случае хорошо заменяется словом «скучный».

– Ты его не знаешь.

– Я знаю только, что он скучный. Это видно по его туфлям и кардигану.

Хардин запрокидывает в смехе голову, и я не могу не замечать ямочки на его щеках.

– Он не носит туфли, – говорю я, стараясь не засмеяться следом.

Я хватаю кружку и пью еще.

– Ну, вы же встречались два года и не трахались. Да он просто святоша.

Я фыркаю водой в кружку.

– Что ты сказал? – Без всей этой чуши, что он наговорил, я прекрасно могла бы обойтись.

– Что слышала, Тереза.

– Ты придурок, Хардин! – кричу я и швыряю в него полупустую кружку.

Реакция предполагавшаяся: полный шок. Пока Хардин вытирает лицо, я, шатаюсь,

встаю на ноги, опираясь на книжные полки. Пара книг падает на пол, но я, не обращая внимания, выбегаю из комнаты, спускаюсь вниз и проталкиваюсь через толпу на кухню. От злости меня даже перестает тошнить; я хочу лишь поскорее забыть злую ухмылку Хардина. Вижу черную шевелюру Зеда в соседней комнате и иду туда. Зед сидит там вместе с каким-то симпатичным парнем.

– Привет, Тесса, это мой друг Логан, – знакомит он нас.

Логан улыбается и протягивает бутылку:

– Хочешь выпить? – Знакомое тепло разливается по телу, и я на мгновение забываю о Хардине.

– Вы не видели Стеф? – спрашиваю я, но Зед только качает головой.

– Наверное, она уехала с Тристаном.

Уехала? Какого черта? Я должна быть серьезнее, но алкоголь искажает все суждения, и я ловлю себя на мысли, что Стеф и Тристан очень подходят друг другу. Пара глотков – и я чувствую себя прекрасно.

Видимо, поэтому люди пьют. Я смутно вспоминаю, что только что клялась никогда больше не пить, но это неважно.

Через пятнадцать минут я сижу рядом с Зедом и Логаном, и мне так смешно, что у меня уже болит живот. С ними гораздо лучше, чем с Хардином.

– Знаете, Хардин – такой придурок, – говорю я им, и оба смеются.

– Да, с ним иногда бывает, – отвечает Зед, обнимая меня.

Я хочу убрать руку, но не хочу его смущать, потому что знаю, что для него это ничего не значит. Вскоре народу становится все меньше, я чувствую, что сильно устала. Тут до меня доходит, что совершенно не знаю, как вернуться в общежитие.

– Тут есть автобусы, которые ходят всю ночь?

Зед пожимает плечами, затем передо мной появляется копна волнистых волос Хардина.

– Значит, ты с Зедом? – В его голосе сквозит что-то, что я не сразу могу уловить.

Я встаю и протискиваюсь мимо него, но он хватается за руку. Он совершенно несносен.

– Отстань от меня, Хардин. – Ища взглядом кружку, чтобы снова швырнуть в него, я объясняю: – Я просто пытаюсь выяснить, как попасть на автобус.

– Успокойся. Три часа ночи, автобусы не ходят. Твоя новообретенная алкогольная судьба заставляет тебя снова тут застрять. – При этих издевательских словах в его глазах появляется столько злорадства, что мне хочется его стукнуть. – Если не захочешь вернуться домой с Зедом...

Когда Хардин отпускает меня, я возвращаюсь к дивану, где сидят Зед и Логан, потому что знаю, что его это разозлит. Постояв мгновение, Хардин сердито поворачивается и уходит. Я надеюсь, что комната, в которой я ночевала в прошлый раз, пуста, и прошу Зеда помочь мне ее найти.

Глава 18

Мы находим комнату. К сожалению, на одной из кроватей храпит какой-то пьяный.

– По крайней мере, вторая кровать свободна! – смеется Зед. – Могу отвести тебя к себе, если хочешь. У меня есть диван, ты можешь спать на нем.

На минуту ко мне возвращается четкость мысли, и я понимаю, что Зед, как и Хардин, встречается со многими девчонками. Если я соглашусь пойти к нему, это будет выглядеть, будто я соглашаюсь целоваться с ним... так. И я прекрасно понимаю, что Зеду очень легко добиться от девушки больше, чем просто поцелуев.

– Нет уж, лучше останусь здесь, на случай если Стеф вернется, – говорю я.

Он несколько мрачнеет, но понимающе кивает мне.

Зед желает мне спокойной ночи и обнимает на прощание. Когда дверь за ним закрывается, раздумываю, не запереться ли на замок. Кто знает, кому придет в голову зайти.

Гляжу на храпящего коматозника и успокаиваюсь: этот в ближайшее время не очнется. Усталость куда-то уходит, мысли снова возвращаются к Хардину и его словам о том, что Ной не спал со мной. Хардину это странно, у него каждые выходные новая девушка, но Ной – хороший парень. Нам не нужен секс; мы хорошо проводим время вместе, занимаясь другими вещами, например... ну... ходим в кино или просто гуляем.

С такими мыслями ложусь на кровать и начинаю считать стыки потолочных панелей в надежде на сон.

Иногда пьяный на соседней кровати начинает ворочаться, но в конце концов мои глаза закрываются, и я засыпаю.

– Я тебя тут раньше не видел, – гудит громкий голос прямо мне в ухо.

Я вскакиваю и ударяюсь подбородком о его лицо, от неожиданности прикусывая язык. Его рука лежит на кровати, в сантиметре от моего бедра. Он часто дышит, от него пахнет рвотой и перегаром.

– Как тебя зовут, красотка? – выдыхает парень мне в лицо, и я задерживаю дыхание.

Я пытаюсь оттолкнуть его своей ручонкой, но он только смеется.

– Я не собираюсь делать тебе больно – мы просто повеселимся, – говорит он, облизывая губы, и по его подбородку стекает струйка слюны.

Сводит желудок – и все, до чего я додумываюсь, это больно ткнуть его коленом. Жестко и прямо туда. Когда он хватается за промежность и отваливается, у меня появляется шанс на спасение. Трясущимися руками отпираю замок и выбегаю в коридор. Несколько человек провожают меня странными взглядами.

– Стой, вернись сюда! – слышу я сзади отвратительный голос.

Он – всего в нескольких футах от меня, но, к счастью, так пьян, что врезается в стену. Ноги сами несут меня по коридору в единственное знакомое место в этом проклятом здании.

– Хардин! Хардин, пожалуйста, открой! – кричу я, одной рукой барабаня в дверь, а другой дергая замок. – Хардин! – снова кричу я, и дверь распахивается.

Я не знаю, что заставило меня кинуться именно к нему в комнату, но точно знаю, что предпочту ежедневные насмешки Хардина отвратительному пьянчуге, который собирается меня изнасиловать.

– Тесс? – растерянно спрашивает Хардин.

Он трет глаза руками. На нем только черные боксерские трусы, а волосы торчат во все стороны. Странно, я больше удивлена тем, как хорошо он выглядит, чем тем, что он впервые назвал меня «Тесс» вместо «Терезы».

– Хардин, пожалуйста,пусти меня. Этот парень... – говорю я, оглядываясь.

Хардин огибает меня и оглядывает коридор. Его взгляд натывается на моего преследователя, тот сразу пугается, еще раз смотрит на меня, поворачивается и уходит.

– Ты его знаешь? – Мой голос звучит слабо и прерывисто.

– Да, входи, – отвечает Хардин, пропуская меня в комнату.

Он возвращается в кровать. Я смотрю, как под расписанной тату кожей ходят мышцы. На спине нет татуировок, хотя грудь, руки и живот полностью покрыты рисунками. Он снова трет глаза.

– С тобой все в порядке? – Голос звучит уже жестче.

– Да, да. Прости, что разбудила. Я просто не знаю, что было бы...

– Не волнуйся. – Хардин запускает пальцы в свои жесткие волосы и зевает. – Он трогал тебя? – спрашивает он без всякого сарказма.

– Нет, хотя пытался. Я была такая дура, что заперлась с пьяным незнакомцем в одной комнате, сама виновата. – От мысли, что этот гад ко мне прикасался, опять начинаю плакать.

– Ты не виновата в том, что он так себя вел. Ты не привыкла к таким... ситуациям.

Он говорит нежно, совсем не так, как обычно. Я иду к его кровати, безмолвно спрашивая его разрешения. Он показывает на кровать, и я сажусь, кладя руки на колени.

– Я не собираюсь привыкать к таким ситуациям. Это действительно последний раз, когда я пришла сюда и вообще на вечеринку. Не знаю, зачем я вообще пришла. А этот

парень... он такой...

– Не надо плакать, Тесс, – шепчет Хардин.

Самое смешное, я не чувствую, что плачу. Хардин подносит руку к моему лицу, и я вздрагиваю от того, что он стирает слезу с моей щеки пальцем. Мои губы наслаждаются прикосновением. Кто этот парень и где грубый, насмешливый Хардин? Я встречаю его зеленые глаза, и его зрачки расширяются.

– Я не замечал, что у тебя серые глаза, – говорит он так тихо, что я склоняюсь ближе, чтобы услышать.

Его рука – все еще на моем лице, и сердце колотится как бешеное. Он закусывает нижнюю губу так, что колечко оказывается между зубами. Наши взгляды встречаются, и я наклоняюсь, еще не осознавая, что происходит. Но когда он убирает пальцы с лица, я понимаю, что мои страсть и совесть вступают в борьбу.

Совесть проигрывает, и я резко и жадно впиваюсь губами в его губы.

Глава 19

Я понятия не имею, что собираюсь делать, но остановиться не могу. Когда мои губы касаются его, Хардин порывисто выдыхает. На вкус губы именно такие, какими я их представляла. Чувствую слабый привкус мяты. Он целует меня, это происходит наяву. Его теплый язык касается моего неба, и я чувствую холодный металл кольца. Я вся горю, такого еще никогда не было. Он проводит руками по моим пламенеющим щекам, затем скользит к бедрам. Откидывается немного назад и снова меня целует.

– Тесс, – выдыхает он, затем снова прижимается губами ко мне, и его язык снова проникает в мой рот.

Разум перестает мне повиноваться, меня пронизывает страсть. Хардин, не переставая целоваться, подтягивает мои бедра к себе. Не знаю, куда девать руки, кладу их ему на грудь, а затем скольжу вниз к его животу. У Хардина горячая кожа, и грудь поднимается и опускается с каждым вдохом и выдохом. Он отрывается от моего рта, но прежде чем я успеваю что-то сказать, уже ласкает мою шею. Я чувствую каждое движение его языка. Чувствую его дыхание. Он запускает руку в мои волосы и придерживает голову, пока целует шею. Его зубы касаются моей ключицы, и я не могу сдержать стоны, когда он начинает покрывать мое тело поцелуями. Наверное, если бы я не была такая пьяная, от алкоголя и от Хардина, то была бы скованнее. Никто так не целовал меня, даже Ной.

Ной!

– Хардин... остановись, – говорю я чужим, низким и хриплым, голосом.

Во рту пересохло.

Хардин не останавливается.

– Хардин! – повторяю я, на этот раз ясно и четко, и он отпускает мои волосы. Его глаза еще темнее, еще нежнее, а губы розовые и припухшие от поцелуев. – Нам нельзя этого делать.

Я не могу целовать его, даже если очень хочу этого.

Нежность в его глазах гаснет, он отпускает меня и отталкивает на другую половину кровати. Что происходит?

– Извини, извини, – повторяю я.

Это единственное, что приходит мне в голову. Чувствую, что мое сердце сейчас разорвется.

– Извинить за что? – спрашивает он.

Он подходит к тумбочке, вытаскивает черную футболку и надевает. Мой взгляд опускается на его боксерские трусы, на этот раз гораздо сильнее натянутые спереди.

Я смущенно отворачиваюсь.

– За то, что целовала тебя, – говорю я, хотя за это мне совсем не хочется извиняться. – Не знаю, зачем я это сделала.

– Это просто поцелуй; люди все время целуются.

Сказанное меня задевает. Не потому, что он не чувствовал того же, что и я. А что я чувствовала? Я знаю, что на самом деле ему не нравлюсь. Просто я пьяна, а он привлекателен. Была тяжелая ночь, и я поцеловала его под действием алкоголя. В глубине души стараюсь убедить себя, что не хочу повторения. Он симпатичный, вот и все.

– Мы же не собираемся делать из этого событие? – говорю я.

Мне будет неприятно, если он кому-то расскажет. Потому что это не я. Я не напиваюсь на вечеринках и не изменяю своему парню.

– Уверю тебя, я не собираюсь об этом никому говорить. И хватит об этом. – В его голосе опять слышится пренебрежение.

– Значит, все остается по-прежнему?

– А я и не собирался меняться. Не думаю, что из-за того, что ты меня поцеловала, отчасти против моего желания, между нами возникли какие-то новые отношения.

Вот как. Против его желания? Я еще чувствую его руку на своем затылке, то, как он притянул меня к себе, и слышу, как он шепчет «Тесс» перед тем, как меня поцеловать.

Я встаю с его кровати.

– Ты можешь остановить меня.

– Вряд ли, – с усмешкой произносит он, и мне снова хочется плакать.

С ним я становлюсь слишком чувствительной. Это слишком унижительно, слишком больно слышать, что я заставила его целоваться. Прячу лицо в ладонях и иду к двери.

– Ты можешь остаться здесь, тебе больше некуда идти, – тихо произносит он, но я отрицательно качаю головой.

Не хочу оставаться с ним в одной комнате. Это часть его маленькой игры. Он предлагает мне остаться, я соглашаюсь, думая, что он приличный человек, а взамен получаю какую-нибудь гадость.

– Нет, спасибо.

Дохожу до лестницы, слышу, как он окликает меня снова, но не останавливаюсь. На улице меня овеивает прохладный ветерок, когда я сажусь у знакомой каменной ограды и достаю телефон. Почти четыре, через час я должна была бы проснуться и начать заниматься. Вместо этого я сижу на каменном бортике, в темноте и одиночестве.

И в таких растрепанных чувствах достаю телефон и просматриваю эсэмэски от Ноя и мамы. Конечно, он все ей рассказал. Это очень на него похоже...

Но я не могу даже обижаться. Я собиралась изменить Ною. Так какое я имею право?

Глава 20

Через квартал от братства улицы темны и пустынно. Другие дома не такие большие, как тот, в котором живет Хардин. Через полтора часа путешествия с GPS-навигатором наконец-то нахожу общежитие. Я абсолютно трезвая, считаю, что ложиться уже не стоит, поэтому захожу в «Севен-элеवन» за стаканом кофе.

Кофе бодрит, и я думаю о том, что не знаю о Хардине очень многого. Например, если он панк, как оказался в братстве среди детишек богатых родителей и почему у него такой вспыльчивый характер? Впрочем, зачем я задаюсь этими вопросами и трачу время на такие размышления? После сегодняшнего вечера я решаю оставить всякие попытки с ним подружиться. Поверить не могу, что целовалась с ним. Это самая большая моя ошибка, не считая того, что я вообще потеряла голову. Я не так наивна, чтобы поверить, что он никому не расскажет, но надеюсь, что Хардин постесняется рассказывать, как целовался с девственницей, и все-таки будет помалкивать. Сама я собираюсь отрицать все до самой смерти, кто бы ни спросил.

Нужно придумать какое-то оправдание для мамы и Ноя. Я не про поцелуи, об этом они вообще не должны знать, а о том, что я ходила на вечеринку. Второй раз. Но кроме того, нужно поговорить с Ноем, чтобы он не сообщал все маме; я теперь взрослый,

самостоятельный человек, и маме необязательно знать, чем я занимаюсь.

Когда я дохожу до общежития, ноги гудят, и, поворачивая ручку своей двери, вздыхаю с облегчением.

И тут у меня чуть сердце не останавливается: на моей постели сидит Хардин.

– Что за шутки? – вскрикиваю я, пытаюсь сохранить самообладание.

– Где ты была? – спокойно спрашивает он. – Я два часа ездил, пытался тебя найти.

Что?

– Что? Зачем?

Если это правда, почему он просто не предложил отвезти меня домой? И как я не сообразила попросить его, узнав, что он не пьет?

– Не думаю, что гулять ночью в одиночестве – это хорошо.

И поскольку я не могу больше выносить его выходки и потому, что Стеф неизвестно где, а я в комнате наедине с ним – с человеком, который действительно представляет для меня опасность, меня разбирает смех. Это странный, дикий и прерывистый смех. Я смеюсь не потому, что мне смешно, а потому, что я не могу ничего поделать.

Хардин хмурит брови, мрачно глядя на меня, отчего я хохочу еще сильнее.

– Уходи, просто уйди, Хардин!

Он смотрит на меня и проводит рукой по волосам. За то недолгое время, что я знаю этого странного человека – Хардина Скотта, – я успела выучить, что этот его жест означает волнение или неловкость. Сейчас, по всей видимости – и то и другое.

– Тереза, я...

Но его слова прерывает ужасный стук в дверь и крики: «Тереза! Тереза, милая, открой сейчас же!»

Мама. Это она. В шесть часов утра, когда в моей комнате находится парень.

Я действую автоматически, так, как привыкла, когда сталкиваюсь с мамой в гневе.

– Господи, Хардин, прячься в шкаф! – шепчу я, дернув его с кровати с силой, удивившей нас обоих.

Он смотрит на меня сверху вниз с усмешкой.

– Я не полезу в шкаф. Ты совершеннолетняя.

Я знаю, что он прав, но он не знает мою мать. Я издаю отчаянный стон, а мама снова колотит в дверь. Спокойствие, с которым Хардин скрещивает на груди руки, ясно дает мне понять, что я не заставлю его спрятаться, поэтому, взглянув в зеркало, растираю мешки под глазами, хватаю зубную пасту, размазываю немного на языке, чтобы скрыть запах водки, перебивающий даже запах кофе. Может, она не учует спиртное в этой смеси запахов.

Я уже готова приветливо улыбнуться, но открыв дверь, обнаруживаю, что мама не одна. Рядом с ней Ной – конечно же, тут как тут. Мама в ярости. А Ной кажется... обеспокоен? Уязвлен?

– Привет. Что вы тут делаете? – спрашиваю я.

Но мать, оттолкнув меня, идет прямо к Хардину. Ной бесшумно проскальзывает в комнату следом, делегируя ей инициативу.

– Так вот почему ты не отвечала на звонки? Потому что у тебя тут этот... этот... – Она машет рукой в сторону Хардина. – Этот разрисованный лузер – в шесть утра в твоей комнате!

Моя кровь закипает. Обычно я и так робкая и еще больше пугаюсь, когда она сердится. Мама никогда меня не била, но никогда не стеснялась указывать на мои недостатки:

«Что ты нацепила, Тесса?»

«Тебе надо еще причесаться, Тесса».

«Я думаю, твои оценки могли бы быть лучше, Тесса».

Я устала от постоянного давления с ее стороны.

Ной тем временем просто стоит, глядя на Хардина, и мне хочется выгнать их обоих – точнее, всех троих. Маму – за то, что обращается со мной как с ребенком. Ноя – за то, что наябедничал на меня. Хардина – просто за то, что он Хардин.

– Значит, вот чем вы занимаетесь в колледже, юная леди? Не спишь по ночам и водишь в комнату парней? Бедный Ной за тебя волнуется, мы едем в такую даль и видим, как ты увиваешься за первым попавшимся парнем! – кричит она, и мы с Ноем вздыхаем одновременно.

– На самом деле я только что пришел. И она ничего плохого не делала, – говорит Хардин, и я замираю.

Он понятия не имеет, во что встречается. С другой стороны, он непоколебим, как скала, а она неостановима, как ветер. Это будет неплохая схватка. Подсознание подсказывает, что неплохо было бы сейчас взять пакет попкорна и, заняв место в первом ряду, полюбоваться этим шоу.

Мать меняется в лице.

– Что-что? Я, кажется, не с тобой разговариваю. Я даже не знаю, кто ты и что ты делаешь в комнате моей дочери.

Хардин молча принимает этот удар, просто стоит и на нее смотрит.

– Мама, – шиплю я сквозь зубы.

Не знаю, почему я защищаю Хардина. Может быть, потому, что то, что мать говорит сейчас о нем, слишком похоже на то, что я сама думала после первой встречи. Ной смотрит на меня, потом на Хардина, потом снова на меня. Что бы он сказал, если б знал, что мы целовались? Ощущение поцелуя еще слишком свежо, я вспыхиваю при одной мысли о нем.

– Тесса, ты не в себе. Я чувствую, от тебя пахнет спиртным. Полагаю, это его влияние и влияние твоей замечательной соседки. – Палец указывает на Хардина.

– Мне восемнадцать, мама. Раньше я никогда не пила и сейчас ничего плохого не делаю. Я поступаю так же, как и все студенты колледжа. Мой телефон разрядился. Извини, что вам пришлось приехать, но со мной все в порядке.

Тут на меня накатывает усталость, и я сажусь на край кресла.

Мама видит, что я совсем разбита, и меняет тон; она же не чудовище, в конце концов. Спрашивает Хардина:

– Молодой человек, не могли бы вы оставить нас ненадолго?

Он смотрит на меня, как бы спрашивая согласия. Я киваю, и он, кивнув в ответ, выходит из комнаты. Ной сразу же закрывает за ним дверь; он все время не отрывал от Хардина глаз. Это так странно: мы с Хардином против мамы и моего парня. Так или иначе, я знаю: он дождетса за дверью, пока они не уедут.

Следующие двадцать минут мама, сидя на кровати, читает нотацию. Она так волнуется за меня, что я потеряю возможность получить высшее образование, и она не хочет, чтобы я снова пила. Она напоминает, что ей не нравится моя дружба со Стеф, Хардином и такими, как они. Заставляет дать обещание, что я не буду с ними общаться, и я обещаю. С Хардином, по крайней мере, точно не буду общаться после этого вечера. К тому же я не собираюсь ходить со Стеф на вечеринки, так что мама не узнает, дружу я с ней или нет.

Наконец она встает и хлопает в ладоши.

– Раз уж мы здесь, пойдем позавтракаем и, возможно, походим по магазинам.

Я киваю, и стоящий на посту у двери Ной улыбается. Это неплохо, и я покоряюсь. Мысли еще немного путаются от спиртного и усталости, но домашняя обстановка, кофе и мамина лекция действуют на меня отрезвляюще.

Иду к двери, но останавливаюсь от маминого многозначительного кашля.

– Тебе надо переодеться и немного привести себя в порядок, – снисходительно улыбается она.

Достаю чистую одежду из тумбочки, поправляю макияж. Ной открывает нам дверь, и мы все трое видим Хардина: он сидит на полу, прислонившись к двери напротив. Когда он смотрит на меня, Ной крепко хватает меня за руку, будто стараясь защитить от этого взгляда.

Но мне почему-то не хочется, чтобы он меня держал. Что со мной?

– Мы собираемся съездить в город, – говорю я Хардину.

Он качает головой, будто отвечая самому себе на какой-то невысказанный вопрос.

Первый раз я вижу его расстроенным, даже несколько страдающим. Он над тобой издевался, напоминаю я себе. Это правда, но я все равно чувствую себя виноватой, когда Ной тянет меня прочь, а мама так победно улыбается Хардину, что он отворачивается.

– Не нравится мне этот парень, – говорит Ной, и я киваю.

– Мне тоже, – шепчу я.

Но я знаю, что это неправда.

Глава 21

Завтрак с Ноем и мамой – мучительно долгий. Мама постоянно поминает мою «безумную ночь» и каждые пять минут спрашивает, не плохо ли мне. Конечно, ночь была ужасная, но не стоит говорить о ней постоянно. Сколько можно? Я знаю, мама обо мне заботится, но сейчас она еще назойливее, чем раньше. Впрочем, возможно, неделя, проведенная в колледже, дала мне возможность взглянуть на все со стороны.

– Куда мы пойдем? – спрашивает Ной, пережевывая блинчик.

Рассеянно пожимаю плечами. Хочу пойти куда-нибудь, но только с ним вдвоем. Я бы с удовольствием провела с ним время. Нужно объяснить, что не стоит рассказывать маме обо всем, что происходит в моей жизни, особенно о таких отрицательных моментах, как прошлая ночь. И если мы пойдем вдвоем, поговорить об этом будет проще.

– Можем пойти в торговый центр неподалеку. Я там еще не была, – отвечаю, быстро проглатывая последние куски тоста.

– Ты еще не думала о подработке?

– Пока не знаю. Может, в книжном магазине. Хочу найти стажировку, что-нибудь связанное с издательством или написанием статей, – сообщаю я и получаю в ответ гордую улыбку мамы.

– Было бы здорово, если бы ты подрабатывала где-нибудь, пока не окончишь колледж и не устроишься на полный день, – говорит она, улыбаясь.

Я говорю, скрывая сарказм:

– О да, было бы превосходно.

Но Ной улавливает интонацию и заговорщически берет меня за руку под столом.

Я облизываю вилку, холодный металл напоминает мне о колечке в губе Хардина. На минуту я замираю. Ной чувствует это и вопросительно на меня смотрит.

Мне нужно перестать думать о Хардине. Я улыбаюсь Ною и тянусь к нему, чтобы поцеловать.

После завтрака мама отвозит меня в «Бентон-Молл», огромный торговый центр. Народу в нем полно.

– Я собиралась зайти в «Нордстрем», так что позвоню вам, когда освобожусь, – говорит мама, и я с облегчением вздыхаю.

Ной снова берет меня за руку, и мы идем мимо магазинов.

Он рассказывает мне о пятничном футбольном матче, в котором он забил решающий гол. Я внимательно его слушаю и соглашаюсь, что это здорово.

– Ты сегодня хорошо выглядишь, – говорю я ему, и Ной улыбается.

Его улыбка совершенна. На нем темно-бордовый свитер, брюки цвета хаки и туфли. Да, он действительно носит именно такие туфли, о которых говорил Хардин, но они ему идут и хорошо смотрятся.

– Ты тоже, Тесса, – отвечает он, и меня передергивает.

Может, я и жестока, но Ной слишком наигранно, слишком слащаво делает мне комплимент. Хардин сказал бы это искренне. Черт, Хардин! Отчаянно желая отвлечься от мистера Грубость, тяну Ною к себе за воротник свитера. Но когда я хочу его поцеловать, он, смеясь, отстраняется.

– Что ты делаешь? Тесса. Все смотрят.

Он кивает на компанию взрослых, примеряющих солнечные очки.

Я игриво пожимаю плечами.

– Не смотрят. А даже если и так?

Я и вправду не смотрю по сторонам. Обычно я тоже обращаю внимание на других, но сейчас мне очень нужно, чтобы он меня поцеловал.

– Поцелуй меня, пожалуйста, – практически умоляю я.

Должно быть, Ной замечает в моих глазах отчаяние, потому что наклоняется ко мне и целует. Он делает это не спеша и нежно, его язык не касается моего, но это приятно. Я чувствую знакомое тепло, ожидаю, что этот поцелуй воспламенит меня, но ничего подобного не происходит.

Я не могу сравнивать Ноя с Хардином. Ной – мой парень, и я его люблю, а Хардин – просто случайный эпизод, он спит с кучей девочек.

– Что с тобой? – шутливо спрашивает Ной, когда я пытаюсь отстраниться.

Я фыркаю.

– Ничего, просто я скучала по тебе, – отвечаю я.

Да, и еще я изменила тебе прошлой ночью, добавляет внутренний голос. Игнорируя его, я продолжаю:

– Ной, не мог бы ты прекратить докладывать маме, чем я занимаюсь? Ты ставишь меня в неловкое положение. Мне нравится, что вы с ней так близки, но когда вы обо мне сплетничаете, я чувствую себя маленькой девочкой.

– Тесса, прости. Я просто беспокоился о тебе. Обещаю, это не повторится. Честно.

Ной кладет руку мне на плечо, целует в лоб, и я ему верю.

Остаток дня проходит лучше, чем утро, в основном потому, что я еду с мамой в парикмахерскую и стригусь. Раньше волосы у меня были до лопаток, а стрижка придает объема и выглядит лучше. Всю обратную дорогу Ной осыпает меня комплиментами, и я чувствую себя отлично.

Прощаюсь с ним и мамой возле двери, в очередной раз пообещав держаться от парней с татуировками на расстоянии не меньше ста километров. В комнате, к моему разочарованию, никого нет. Хотя я не уверена, что хотела бы видеть Стеф или кого-либо еще.

Даже не сняв туфли, валюсь на кровать. Я слишком устала, мне нужно немного поспать. Сплю всю ночь напролет и еще полдня. Когда я просыпаюсь, Стеф лежит на соседней кровати. Ухожу по делам, а когда возвращаюсь, ее уже нет. В понедельник утром Стеф все еще нет, и я чувствую сильное желание наверстать то, чем она занималась в выходные.

Глава 22

Прежде чем отправиться на первую лекцию, как обычно, захожу за кофе. В кафе меня с неизменной улыбкой ждет Лэндон.

Только мы успели поздороваться, нас прервала девушка, которая хотела узнать, как куда-то пройти, – и мы упустили шанс поболтать вплоть до конца учебного дня. До окончания лекции, которой я одновременно и желала, и боялась.

– Как выходные? – спрашивает Лэндон, а я в ответ лишь страдальчески мычу.

– Ужасно, просто ужасно. Ходила на вечеринку со Стеф, – отвечаю я, и он корчит рожу и смеется. – Уверена, у тебя все прошло гораздо лучше. Как Дакота?

Услышав «Дакота», Лэндон улыбается до ушей, а я понимаю, что не сказала, что виделась в субботу с Ноем. Лэндон рассказывает, что Дакота поступила в нью-йоркскую балетную труппу. Он за нее страшно рад. Я же представляю, как загораются глаза Ноя, когда он рассказывает обо мне.

Мы идем на лекцию, и Лэндон рассказывает, как его родители разволновались, что он приехал, но я так занята поиском нужной аудитории, что почти не слушаю. Заходим туда: место Хардина пустует.

– А не будет сложностей из-за того, что Дакота теперь очень далеко? – успеваю

спросить я перед тем, как мы занимаем места.

– Ну, мы и сейчас далеко друг от друга, но все нормально. Я правда желаю ей успеха, и, если для этого нужно быть в Нью-Йорке, я хочу, чтоб она была там.

Входит профессор. И мы замолкаем. Где Хардин? Он же не станет прогуливать занятия, только чтобы не встречаться со мной, правда?

Мы погружаемся в «Гордость и предубеждение» – замечательную книгу, которую, я считаю, должен прочесть каждый, и я сама не замечаю, как проходит занятие.

– Ты подстриглась, Тереза.

Оборачиваюсь и вижу Хардина. Они с Лэндоном обмениваются быстрыми взглядами, а я думаю, что ответить. Он же не станет говорить о той ночи при Лэндоне? Но по ямочкам на его щеках, глубоким, как никогда, понимаю: да, да, он будет говорить об этом.

– Привет, Хардин.

– Как выходные? – насмешливо спрашивает он.

Я тяну Лэндона за руку.

– Хорошо. Пока! – нервно кричу я, и Хардин смеется.

Когда мы выходим на улицу, Лэндон спрашивает:

– Что это было? – Наверное, что я веду себя неестественно.

– Ничего, просто Хардин мне не нравится.

– Ну, вы хотя бы не так часто видитесь.

Это что-то странное. Почему он со мной об этом говорит? Он что-то знает?

– Ну да. Слава богу. – Это все, что я могу ответить.

Некоторое время Лэндон молчит.

– Я не собирался об этом говорить, потому что не хочу с ним связываться, но, – он нервно улыбается, – папа Хардина встречается с моей мамой.

Что?

– Что?

– Папа Хардина...

– Да, да, я поняла, значит, его отец живет тут? Но Хардин... Я-то думала, он из Англии? Если тут живет его отец, почему он не живет с ним?

Засыпаю Лэндона вопросами, не могу остановиться. Он кажется смущенным, но не таким нервным, чем минуту назад.

– Он из Лондона. Его отец и моя мама живут недалеко от кампуса, но Хардин с отцом не в очень хороших отношениях. Поэтому, пожалуйста, не давай ему понять, что ты в курсе. Мы и так недолго любим друг друга.

Я киваю.

– Конечно, без проблем.

У меня есть тысяча вопросов, но я молчу. Мой друг возвращается к рассказу о Дакоте, и глаза его вспыхивают при каждом упоминании о ней.

Когда я возвращаюсь в комнату, Стеф еще не пришла, ее занятия кончаются на два часа позже, чем у меня. Достаю было учебники и тетради, но потом решаю позвонить Ною. Он не берет трубку, и я начинаю серьезно жалеть, что он не учится со мной на одном курсе. Много было бы удобнее и проще. Мы могли бы готовиться к занятиям или смотреть вместе кино.

В то же время понимаю: я думаю так потому, что меня гложет вина за то, что я целовалась с Хардином. Ной очень хороший, он не заслуживает того, чтобы его обманывали. Мне очень повезло, что он есть в моей жизни. Он всегда со мной и знает меня лучше всех.

Мы знаем друг друга почти всю жизнь. Когда его родители переехали на нашу улицу, я была в восторге: наконец-то появился мой ровесник, с ним можно гулять. Радость только усилилась, когда я познакомилась с Ноем и поняла, что мы родственные души. Мы вместе читали, смотрели фильмы и сажали растения в маминой теплице. Теплица всегда была моим убежищем; когда папа напивался, я пряталась в ней, и никто, кроме Ноя, не знал, где я. Ночь, когда папа ушел от нас, была ужасной, позже мама отказывалась ее вспоминать. Разговор о

ней разрушил бы ту эмоциональную крепость, которую мама возвела вокруг себя. Однако мне иногда хотелось это вспомнить. Несмотря на то что я ненавидела отца за вечные пьянки и за то, что он бил маму, я чувствовала в нем сильную внутреннюю потребность. В тот вечер, спрятавшись в теплице, я слышала крики и ругань, затем звон разбитого стекла на кухне, а затем, когда все стихло, – шаги. В ужасе я подумала, что ищет меня отец, но это был Ной. Никогда больше я не испытывала такого облегчения, как тогда, когда его увидела. С тех пор мы были неразлучны. За долгие годы это стало чем-то большим, чем дружба, мы никогда не встречались с кем-то еще.

Я пишу Ною, что люблю его, и решаю подремать перед учебой. Я сверяюсь с ежедневником и решаю, что могу себе позволить двадцать минут сна.

Не проходит и десяти минут, как меня будит стук в дверь. Должно быть, это Стеф забыла ключи, думаю я и открываю.

Конечно, это не она. Это Хардин.

– Стеф еще не вернулась, – говорю я и возвращаюсь на кровать, оставляя дверь открытой.

Удивительно, он даже потрудился постучать, хотя Стеф дала ему запасной ключ, на случай если потеряет свой. Надо поговорить с ней об этом.

– Я могу подождать, – говорит он и плюхается на кровать Стеф.

– Как хочешь, – бормочу я, не обращая внимания на его усмешку, натягиваю на себя одеяло и закрываю глаза.

Точнее, стараюсь не обращать внимания. Не могу же я заснуть, когда Хардин в комнате! Однако лучше притворяться спящей, чем вести неприятный разговор, который нам предстоит. Я пытаюсь не обращать внимания на легкое постукивание костяшками по кровати Стеф до тех пор, как срабатывает мой будильник.

– Собираешься куда-то? – спрашивает он, и я закатываю глаза, хотя он меня и не видит.

– Нет, просто решила двадцать минут поспать, – отвечаю я и сажусь.

– Ты поставила будильник, чтобы проснуться через двадцать минут? – иронически уточняет он.

– Да, именно. А тебе какое дело?

Я аккуратно раскладываю учебники согласно расписанию предметов и подписываю все тетради.

– У тебя навязчивое состояние, что ли?

– Нет, Хардин. Не все сумасшедшие, кому нравится порядок. В пунктуальности нет ничего плохого, – отрезаю я.

Конечно, он смеется. Я отворачиваюсь от него, но краем глаза замечаю, как он приподнимается с кровати.

Пожалуйста, не подходи ко мне! Пожалуйста, не подходи!

Он нависает надо мной и смотрит на то, чем я занимаюсь. Потом хватается тетрадь по литературе, рассматривая ее с преувеличенным вниманием со всех сторон, как музейный экспонат. Я пытаюсь отнять конспекты, но он – вот назойливый придурок! – поднимает их над своей головой, и я стою и тщетно тянусь за ними. Затем бросает бумажки вверх, и они в беспорядке рассыпаются по полу.

– Немедленно собери! – требую я.

Он, ухмыляясь и приговаривая «конечно-конечно», хватается лекции по социологии и делает с ними то же самое. Я вскакиваю, чтобы собрать их прежде, чем он на них наступит, но это его только забавляет.

– Хардин, хватит! – кричу я, но он расправляется со следующей тетрадкой.

В ярости я отталкиваю его от своей кровати.

– Хочешь сказать, кто не любит порядок, тот ни к чему не способен? – спрашивает он со смехом.

Почему обязательно надо мной смеяться?!

– Нет! – кричу я и толкаю его снова. Он делает шаг ко мне и, схватив за запястье,

отталкивает к стене.

Его лицо – всего в нескольких сантиметрах от меня, и я чувствую, как тяжело он дышит. Хочу крикнуть, чтобы он от меня отстал, чтобы ушел, хочу заставить его собрать мои записи. Я хочу дать пощечину, заставить его убраться. Но не могу. Я замираю у стены, загнипнотизированная огнем, горящим в его зеленых глазах.

– Хардин, пожалуйста!

Единственные слова, которые я могу сказать. Они слишком мягкие. Я не уверена, прошу ли его уйти или поцеловать меня. Никак не могу унять дыхание, чувствую его возбуждение, его грудь движется мощными толчками. Секунды растягиваются в часы. Наконец, он убирает одну руку, но вторая рука такая большая, что удерживает оба мои запястья. Мгновение мне кажется, что он меня ударит. Но его рука движется к моей щеке, и он нежно направляет мои волосы за ухо. Чувствую его пульс, когда он приближает губы к моим, и в моей груди полыхает пожар.

Это ощущение, по которому я так тосковала. Я хотела бы чувствовать этот пожар вечно.

Заставляю себя не думать ни о том, почему я вновь его целую, ни о тех гадостях, что он потом наговорит. Я сосредоточиваюсь лишь на том, как он прижимается ко мне, как отпускает мои руки, прижав меня к стене, и на знакомом мятном привкусе его губ. Обвиваю руками его широкие плечи, и наши языки соединяются. Он соединяет руки на моей талии и поднимает меня; поразительно, что мое тело знает, как реагировать на его движения. Я запускаю пальцы в его волосы и нежно потягиваю их, когда он несет меня обратно к кровати.

Голос разума внезапно напоминает, что это плохая идея, но я не обращаю на него внимания. На этот раз я не могу остановиться. Я тяну Хардина за волосы сильнее, и у него вырывается нежный стон. Отвечаю таким же стоном – и эти звуки прекраснее всех на свете. Это самые страстные звуки, которые я слышала, и я знаю, что сделаю все, чтобы услышать их снова. Он садится на мою кровать так, что я оказываюсь у него на коленях. Покачиваюсь вперед и назад вдоль его бедер, и хватка становится крепче.

– Черт! – выдыхает он, и я впервые чувствую, как у мужчины возникает на меня эрекция.

Как далеко я позволю ему зайти? Я задаю себе этот вопрос и не могу ответить. Он нащупывает полы моей блузки и стягивает ее с меня через голову. Не могу поверить, что позволяю ему это делать, но не могу остановиться. Хардин прерывает наш страстный поцелуй, чтобы стянуть с меня одежду. Его взгляд встречается с моим, затем скользит вниз, к груди. Он закусывает губу:

– Ты такая сексуальная, Тесс.

Мне никогда не нравились подобные комплименты, но Хардин говорит это особенно, очень чувственно. Я никогда не покупала шикарное нижнее белье, потому что никто, буквально никто его не видит, но сейчас мне хотелось бы иметь что-то покруче моего обычного черного бюстгалтера. Он, наверное, видел любые бюстгалтеры, напоминает назойливый внутренний голос. Чтобы отогнать подобные мысли, начинаю быстрее двигаться у него на коленях, он тянет меня за талию к себе, и мы касаемся друг друга телами...

Кто-то дергает дверную ручку. Я вскакиваю с колен Хардина как ужаленная и хватаюсь за блузку; транс, в котором я пребывала, моментально рассеивается.

Стеф перешагивает через порог и застывает с открытым от изумления ртом при виде меня и Хардина.

Я красная как рак, но я знаю, что это не только от смущения, но и от того, что Хардин заставил меня почувствовать.

– Я что-то пропустила, черт побери? – выдыхает Стеф, оглядывая нас, улыбаясь во весь рот.

В ее глазах – нескрываемый восторг.

– Ничего особенного, – отвечает Хардин, поднимаясь.

Он идет к двери и исчезает, не оглядываясь, оставив меня задыхающейся от смущения

под смешки Стеф.

– Что за фигня?! – спрашивает она, закрывая лицо в притворном ужасе. Но Стеф распирает от любопытства, и она не может молчать. – Ты и Хардин... Ты и Хардин собирались поразвлечься?

Я отворачиваюсь к столу, сделав вид, что просматриваю конспекты.

– Нет! Разумеется, нет! Мы не собирались трахаться, – отвечаю я.

Ведь это так? Нет, мы просто пару раз поцеловались, вот и все. Да, он снял с меня блузку, пока я терлась об него, сидя у него на коленях, но мы не собирались трахаться в обычном смысле слова.

– У меня же есть парень, помнишь?

Он придвигается ко мне.

– Так... но это не значит, что ты не можешь трахнуть с Хардином – просто не верится! Мне казалось, вы друг друга ненавидите. Ну, Хардин всех ненавидит. Но я думала, тебя он ненавидит даже больше, чем обычных людей. – Она смеется. – Тогда хоть как так получилось?

Я сажусь на ее кровать и лохмачу волосы.

– Не знаю. В общем, в субботу, когда ты уехала с вечеринки, я оказалась в его комнате, потому что один гад пытался меня изнасиловать, а потом я поцеловала Хардина. Мы обещали, что не будем больше об этом говорить, но сегодня он пришел и начал обнимать меня, но не больше. – Я показываю на кровать, но Стеф только еще шире ухмыляется. – Он стал разбрасывать мои вещи, я его толкнула, а потом... в общем, мы оказались на кровати.

В пересказе звучит ужасно. Я действительно потеряла голову, как говорит моя мама. Закрываю лицо руками. Как я могла снова так поступить по отношению к Ною?

– Вау, классно! – говорит Стеф, и я опять закатываю глаза.

– Нет, это ужасно и неправильно. Я люблю Ноя, а Хардин – болван. Я не хочу быть его очередной победой.

– Ты могла бы многому научиться у Хардина... в смысле секса.

Вылупляю глаза. Она что, серьезно? Неужели она сама делала что-то подобное... и может быть... с Хардином?

– Нет, я ничему не собираюсь учиться у Хардина. Или у кого-то еще, кроме Ноя, – отвечаю я.

Не могу себе представить себя и Ноя, занимающихся чем-то подобным. В памяти всплывают слова Хардина: «Ты такая сексуальная, Тесс». Ной никогда не говорил мне такого, да и никто раньше не называл меня сексуальной. Мои щеки вспыхивают, когда я это вспоминаю.

– А ты? – спрашиваю я, немного помявшись.

– С Хардином? Нет. – Чувствую, что у меня на душе становится легче от ее ответа. Она продолжает: – У меня не было секса с ним, была пара попыток, когда только мы познакомились, но все каких-то неловких. Ничего не вышло; примерно неделю мы были чуть больше, чем друзьями.

Она говорит так, что я понимаю: это не слишком важный эпизод в ее жизни, но все равно не могу подавить поднимающуюся ревность.

– А... чуть больше? – уточняю я.

Во рту у меня пересыхает, и я внезапно раздражаюсь на Стеф.

– Да ничего особенного. Так, несколько раз жесткий петтинг, тискали друг друга там и сям. Ничего серьезного, – отвечает она, и мое сердце ноет.

Я не удивлена, конечно, но лучше бы было не спрашивать.

– И много у Хардина таких чуть больше, чем друзей?

Я не хочу слышать ответ, но не могу не спрашивать.

Стеф фыркает и садится напротив меня.

– Да, хватает. То есть не то чтобы сотни, но он довольно... шустрый парень.

Я понимаю, что она видит реакцию на ее рассказ и пытается подсластить пилюлю.

Мысленно я в сотый раз принимаю решение держаться от Хардина подальше. Не хочу быть чьей-то чуть-больше-чем-подругой. Никогда.

– Он не обманывает и не использует девчонок; по большей части они сами на него вешаются. Но он им сразу дает понять, что не будет с ними встречаться, – говорит она.

Я помню, она уже это говорила. Но ведь сейчас говорил мне, когда мы...

– Почему он ни с кем не встречается?

Почему я не могу не задавать эти вопросы?

– По правде сказать, не знаю... Слушай, – говорит она с беспокойством, – думаю, с Хардином неплохо развлечься, но мне кажется, для тебя это может кончиться печально. Если ты не уверена, что сможешь контролировать свои чувства, я бы держалась от него подальше. Я видела много девушек, которых он бросил, и это не очень приятно.

– Поверь, у меня нет к нему никаких чувств. Не знаю, о чем я думала, – смеюсь я, надеясь, что это звучит искренне.

Стеф кивает.

– Ну ладно. А много было проблем с мамой и Ноем?

Я рассказываю о нотации, умолчав о части, в которой мне не рекомендовали с ней дружить. Остаток вечера мы проводим, болтая о занятиях, Тристане – обо всем подряд, кроме Хардина.

Глава 23

На следующий день перед занятиями встречаюсь с Лэндоном в кафе: надо уточнить задание по социологии. Я битый час собирала конспекты после выходки Хардина. Я хочу рассказать Лэндону, но боюсь, что он неправильно меня поймет, особенно теперь, когда я знаю о родителях Хардина. Лэндон наверняка много знает, и я постоянно удерживаю себя от вопросов. Вообще, меня не волнует, что там делает Хардин.

День пролетает быстро, наступает время лекции по литературе. Как обычно, Хардин садится сзади, но сегодня он, кажется, вообще не намерен смотреть в мою сторону.

– Сегодня мы заканчиваем обсуждать «Гордость и предубеждение», – говорит профессор. – Надеюсь, все с удовольствием его прочитали, и поскольку вы знаете финал романа, он и станет темой сегодняшней дискуссии. Ее тема: использование Джейн Остин элементов, позволяющих предопределить сюжет. Позвольте спросить: ожидали ли вы во время чтения, что они с Дарси в итоге будут вместе?

Несколько человек что-то невнятно бормочут, кто-то шуршит страницами книги, видимо, пытаясь с ходу найти там ответ, и только мы с Лэндоном, как всегда, поднимаем руки.

– Мисс Янг, – профессор указывает на меня.

– Когда я читала этот роман в первый раз, я сильно сомневалась, что в конце концов они будут вместе. Даже теперь, когда я прочитала его уже раз десять, я все еще в этом не уверена. Мистер Дарси слишком жесток и говорит такие неприятные вещи о Элизабет и ее семье, что я не уверена, сможет ли она его простить, не говоря уж о том, чтобы полюбить.

Лэндон кивает мне, и я улыбаюсь.

– Это приманка, – раздается в тишине голос. Голос Хардина.

– Господин Скотт? Хотите что-то добавить? – спрашивает профессор, весьма удивленный участием Хардина.

– Конечно. Я сказал, что это приманка. Женщины хотят того, чего у них нет. Именно грубое отношение мистера Дарси привлекло Элизабет, значит, было очевидно, что в конце они будут вместе, – произносит Хардин, после чего с видом полнейшего безразличия рассматривает ногти.

– Неправда, что женщины хотят того, чего не имеют. Мистер Дарси был так жесток с ней, потому что был слишком горд, чтобы признать, что любит ее. После того как он прекратил себя так вести, она увидела, что он действительно ее любил, – говорю я гораздо

громче, чем хотела бы. Намного громче.

Осматриваюсь. Оказывается, что все смотрят на меня и Хардина.

Хардин фыркает.

– Не знаю, с какими парнями ты обычно сталкивалась, но я считаю, что если бы он ее любил, он не был бы с ней так груб. Единственная причина, по которой он даже попросил ее руки, это потому что она слишком крепко в него вцепилась, – говорит он с акцентом, и мое сердце падает. В конце концов, я узнала, что он думает на самом деле.

– Она в него не вцепилась! Она думала, что он добр, а он манипулировал ею и пользовался ее слабостью! – кричу я.

В аудитории наступает полная, абсолютная тишина. Лицо Хардина перекошено гримасой злости, и я думаю, мое тоже.

– Он манипулировал ею? Прочти еще раз, она... Я имею в виду, ей наскучила ее унылая жизнь, ей нужны были сильные ощущения – и, конечно, она в него вцепилась! – кричит он, схватившись руками за край стола.

– Тогда, если б он не был таким кобелем, он мог бы все это прекратить после первой же встречи и больше не появляться в ее доме!

Тут я осознаю, что мы находимся в центре внимания. В аудитории – хихиканье и шепот.

– Замечательно, какая оживленная дискуссия. Думаю, на сегодня мы оставим эту тему... – начинает профессор, но я, схватив сумку, выбегаю из аудитории.

В коридоре слышу сердитый голос Хардина позади себя:

– На этот раз ты не убежишь, Тереза!

Вылетаю на улицу и пересекаю лужайку, приближаясь к перекрестку. Он догоняет меня и хватается за руку, но я вырываюсь.

– Почему ты всегда так хватаешь меня? Попробуй меня еще раз так схватить, и я тебя ударю! – кричу я.

Я удивляюсь, как резко вышло, но с меня достаточно всей этой фигни.

Он снова хватается за меня, но я не могу выполнить свою угрозу.

– Чего ты хочешь, Хардин? Показать мне, какая я жалкая? Поиздеваться надо мной, свести меня с ума? Я устала от этих игр – и я больше не буду в них играть. У меня есть парень, который меня любит, а ты ужасный человек. Тебе действительно надо сходить к врачу и лечиться от этих перепадов настроения! Я за тобой не успеваю. Сейчас ты – хороший, через секунду – отвратительный. Я не хочу иметь с тобой ничего общего, так что найди себе другую девушку, чтобы с ней играть, а я сдаюсь!

– Я вправду делаю тебя хуже? – спрашивает он.

Я отворачиваюсь, пытаюсь сосредоточиться на оживленном тротуаре, где мы стоим. Взгляды случайных прохожих задерживаются на нас с Хардином чересчур долго. Когда я вновь смотрю на Хардина, он трет пальцами дырку в своей поношенной черной футболке.

Жду, что он будет смеяться или ухмыляться, но нет. Если бы я не знала его лучше, то подумала бы, что он... страдает. Но я хорошо его знаю.

– Я не пытаюсь играть с тобой, – говорит он, проводя рукой по волосам.

– Тогда как это назвать? Почему твои перемены настроения становятся моими проблемами?

Вокруг нас уже собирается небольшая толпа, и мне хочется поскорее исчезнуть. Но надо знать, что он ответит.

Почему я не могу не общаться с ним? Я знаю, для меня он ядовит, опасен. Я никогда ни с кем не была так груба. Я знаю, он этого заслуживает, но я не хочу быть жестока к кому бы то ни было.

Хардин снова хватается за меня за руку и тянет по дорожке между зданиями подальше от людей.

– Тесс, я... Я не знаю, что делаю. Ты поцеловала меня первой, помнишь? – напоминает он.

– Да... Я была пьяна, помнишь? А вчера ты поцеловал меня первым.

– Да... Ты меня не останавливала. – Он делает паузу. – Должно быть, это очень тяжело. Что? Что именно тяжело?

– Вести себя, будто ты не хочешь меня, хотя мы оба знаем, что это не так, – говорит он, подходя ближе.

– Что? Я тебя не хочу. У меня есть парень.

Быстрый ответ выглядит так нелепо, что Хардин улыбается.

– Парень, с которым тебе скучно. Признайся, Тесс. Не мне, самой себе. Тебе с ним скучно. – Он понижает голос и произносит медленно, очень чувственно: – Он когда-нибудь заставлял тебя чувствовать то же, что и я?

– Ч-что? Конечно, – вру я.

– Нет... Я уверен, что он никогда не касался тебя... по-настоящему.

Его слова зажигают внутри меня знакомый огонь.

– Это не твое дело, – говорю я, отступая, и он подходит ко мне еще на три шага.

– Ты не представляешь, что я способен заставить тебя почувствовать, – говорит он, и я задыхаюсь.

Как он может переходить от крика и насмешек к таким словам? И почему они так мне нравятся? У меня нет ответа. Этот тон и неприличные комплименты делают меня слабой, я теряюсь. Как мышка в когтях кота.

– Правда, ты не можешь это признать. Но я вижу, – говорит он высокомерно.

В ответ я могу только отрицательно покачать головой. Он улыбается еще шире, и я инстинктивно отступаю к стене. Хардин делает следующий шаг, и у меня вырывается умоляющий стон. Не надо!

– Твой пульс участился? И губы сухие. Ты думаешь обо мне и чувствуешь... там, внизу. Разве не так, Тереза?

Все, что он говорит, правда, и чем дольше он говорит мне это, тем сильнее я его хочу. Так странно, хочу и ненавижу одновременно. Хардин меня физически привлекает, и это странно, учитывая, как сильно он отличается от Ноя. Никто не привлекал меня так, кроме Ноя.

Я знаю, что, если я сейчас чего-нибудь не скажу, он победит. Не хочу, чтобы он победил.

– Ты ошибаешься, – бормочу я.

Он улыбается. Одна эта улыбка пронизывает меня, как ток.

– Я никогда не ошибаюсь, – сообщает он, – не в этом.

Отступаю в сторону прежде, чем он может прижать меня к стене.

– И ты продолжаешь утверждать, что я вцепилась в тебя, когда сам сейчас загоняешь меня в угол? – спрашиваю я, и моя злость на этого невыносимого парня в татуах пересиливает желание.

– Потому что ты сделала первый шаг. Не пойми меня неверно, но я был удивлен.

– Я была пьяна, и это была ужасная ночь, ты знаешь. Я стеснялась, а ты был добр ко мне. Ну, твоя версия недурна.

Я стремглав проскакиваю мимо него и сажусь на обочине. Так я оказываюсь вне зоны досягаемости. Разговор слишком утомителен.

– И я жесток к тебе, – говорит он, нависая надо мной, и утверждение больше похоже на вопрос.

– Да, жесток. Ты превосходишь самого себя в грубости. И не только ко мне, ко всем. Но со мной ты, кажется, особенно стараешься.

Надо же, мы все еще так спокойно беседуем. Знаю, это минутная передышка, скоро он снова на меня накинется.

– Это просто не так. Я отношусь к тебе так же, как и ко всему остальному миру.

Я молчу. Я знала, что нормально поговорить не получится.

– Не знаю, зачем я трачу на тебя время, – кричу я и возвращаюсь к дороге.

– Прости. Иди сюда.

Мысленно вою, но ноги реагируют быстрее, чем мозг успевает отдать команду, и я останавливаюсь в нескольких шагах от него.

Он сидит на бордюре, там, где только что была я.

– Садись, – командует он.

Повинуюсь.

– Ты сидишь ужасно далеко, – говорит он, и я закатываю глаза. – Ты мне не доверяешь?

– Нет, конечно. С какой стати?

Хардин несколько мрачнеет, словно сказанное его задевает, но вскоре возвращается к обычной невозмутимости. Неужели ему не все равно, доверяю ли я ему?

– Мы можем договориться держаться друг от друга подальше или остаться друзьями. Я не собираюсь и дальше с тобой воевать.

Я вздыхаю, и он придвигается немного ближе.

Он делает глубокий вдох и затем произносит:

– Но я не хочу держаться от тебя подальше.

Что? Сердце, похоже, сейчас выпрыгнет из груди.

– Я хочу сказать... Я не думаю, что мы сможем не общаться, раз твоя соседка – один из моих лучших друзей, ну и все такое. Так что думаю, мы должны быть друзьями.

Чувствую разочарование; но разве это не то, чего я хочу? Я же не могу целоваться с Хардином, обманывая Ноя.

– Ну ладно, значит, друзья? – спрашиваю я, стремясь не обращать внимания на неприятный осадок в душе.

– Друзья, – подтверждает он и протягивает руку.

– Но никаких чуть больше, – напоминаю я, пожимая его руку и чувствуя, как кровь приливает к щекам.

Посмеиваясь, он играет с кольцом в брови.

– Что ты имеешь в виду?

– А то ты не знаешь. Стеф мне уже рассказала.

– О чем, обо мне и ней?

– О вас, и о тебе, и о других девушках.

Я вымученно смеюсь, но получается похоже на кашель, и я кашляю еще, чтобы он не заметил моего смущения.

Он поднимает бровь, но я не обращаю внимания.

– Ну, мы со Стеф... это было весело. – Он улыбается воспоминаниям, а я проглатываю комок в горле.

– И да, у меня есть девушки, которых я трахаю. А почему тебя это волнует, подруга?

Он говорит об этом так беззаботно, что я просто в шоке. Признание, что он спит с другими девушками, не должно меня волновать, но я ревную. Хардин мне не принадлежит; мой парень – Ной. Мой парень – Ной. Мой парень – Ной, – мысленно повторяю я.

– Не волнует. Просто я не хочу, чтобы ты считал меня одной из них.

– Ого... ты ревнуешь, Тереза? – усмехается он.

Я толкаю его. В жизни в этом не признаюсь.

– Вовсе нет. Мне их жаль.

Он игриво поднимает брови.

– О, не жалея их. Поверь, они со мной счастливы.

– Ладно, ладно. Не пора ли нам сменить тему? – Я вздыхаю и запрокидываю голову, чтобы посмотреть на небо и забыть образ Хардина и его гарема. – Так ты попробуешь быть со мной повежливей?

– Конечно. Если ты перестанешь все время быть такой нервной стервой.

Глядя на облака, мечтательно тяну:

– Я не стерва, просто ты отвратительный.

Смотрю на Хардина, и меня разбирает смех. К счастью, он смеется вместе со мной. Это

хорошая замена скандалу. Еще не решен главный вопрос: какие чувства я могу или не могу к нему испытывать, но если я пресеку его попытки целовать меня и сосредоточусь на Ное, то выйду из этого ужасного замкнутого круга прежде, чем станет еще хуже.

– Посмотри на нас, двух друзей. – Акцент у Хардина очень приятный, когда он не грубит.

Черт, акцент делает его голос еще мягче. Слова льются с его языка, сквозь розовые губы... Я не должна об этом думать. Отрываю взгляд от его лица и встаю, отряхивая юбку.

– Эта юбка и правда ужасная, Тесс. Если хочешь остаться мне другом, не надевай ее больше.

На мгновение мне становится обидно, но когда я смотрю на него, он улыбается. Наверно, он так шутит, грубо, но не злобно, как обычно.

На моем телефоне срабатывает будильник.

– Мне нужно вернуться на занятия.

– Ты устанавливаешь будильник на каждую лекцию?

– Я много на что ставлю напоминки; я всегда так делаю. – Надеюсь, он не собирается над этим смеяться.

– Хорошо, установи напоминку на завтра после занятий, чтобы как-нибудь повеселиться.

Кто это и где настоящий Хардин?

– Не думаю, что могу веселиться так же, как ты. – Не представляю даже, что Хардин подразумевает под словом «повеселиться».

– Ну, мы просто принесем в жертву пару котов, сожжем несколько домов...

Я, не удержавшись, прыскаю, и он улыбается в ответ.

– На самом деле, поскольку мы теперь друзья, придумаем, чем заняться.

Мне нужно немного времени, чтобы понять, могу ли я общаться с Хардином. Но он уже поворачивается, чтобы уйти.

– Ну ладно. Рад, что мы вместе. До завтра.

И он уходит.

Я ничего не говорю, просто сижу, опустив руки, на обочине. После последних двадцати минут голова кругом. Сначала Хардин предложил мне заняться сексом, утверждая, что я даже не представляю, как мне будет хорошо; через несколько минут обещал, что попытается быть со мной помягче; потом мы смеялись и шутили, и было все нормально.

Остается еще много связанных с ним вопросов, но думаю, что могу стать его подругой, как Стеф. Ладно, не как Стеф, как Нэт или еще какой-нибудь друг, с которым он постоянно общается. Так действительно лучше. Никаких поцелуев или других сексуальных ласк. Мы просто друзья.

Но когда я последняя захожу в аудиторию, где никто из студентов понятия не имеет о Хардине и его делах, у меня остается смутное подозрение, что я попала в очередную западню.

Глава 24

В общезнании пытаюсь заниматься, но не могу сосредоточиться. Через два часа бессмысленного смотрения в конспекты решаю принять душ, чтобы освежиться. В душевой полно народу, я чувствую себя очень некомфортно, но мне ни разу никто не помешал, так что я начинаю привыкать. Горячая вода отлично расслабляет напряженные мышцы. Я должна чувствовать облегчение и радость от того, что мы с Хардином пришли к перемирию, но гнев и раздражение почему-то сменяются растерянностью и тревогой. Я согласилась завтра «повеселиться» с Хардином и теперь боюсь. Надеюсь, все пройдет хорошо; не думаю, что мы станем лучшими друзьями, но, по крайней мере, сможем каждый раз не орать друг на друга вместо разговора.

Под душем так приятно, что я надолго зависаю в кабинке, а вернувшись, обнаруживаю,

что Стеф заходила и ушла. Она оставила записку, что Тристан пригласил ее поужинать где-то в городе. Мне нравится Тристан; похоже, он действительно хороший парень, несмотря на жуткий грим. Если Стеф и Тристан продолжают встречаться, то когда Ной в следующий раз меня навестит, можем сходить куда-нибудь вместе. Хотя кого я обманываю? Ной не захочет гулять в такой компании, и надо признать, три недели назад я бы сама не захотела с ними общаться.

Я звоню Ною перед сном, мы не общались целый день. Он приветливо спрашивает меня, как прошел день. Отвечаю, что хорошо, хочу сообщить, что мы с Хардином завтра собираемся погулять, но передумываю. Ной рассказывает, что его команда разбила Сиэтл в пух и прах, хотя эти ребята – действительно хорошие футболисты. И я рада, потому что Ной и правда счастлив, когда его команда побеждает.

Следующий день пролетает очень быстро. Когда мы с Лэндоном заходим в кабинет, Хардин уже сидит на месте.

– Ну что, готова к сегодняшнему свиданию? – спрашивает он.

Таращу глаза. Лэндон тоже. Не знаю, что меня больше злит: то, как Хардин это сказал, или то, как Лэндон на меня смотрит. Попытка стать друзьями не очень-то задалась с самого начала.

– Это не свидание, – возражаю я и, повернувшись к Лэндону, небрежно поясню, не обращая внимания на Хардина: – Мы решили сходить куда-нибудь как друзья.

– Это то же самое, – вставляет Хардин.

До конца лекции стараюсь с ним не разговаривать, что не очень сложно, поскольку он не делает таких попыток. На перемене Лэндон, укладывая рюкзак, наклоняется ко мне и тихо говорит, глядя на Хардина:

– Будь осторожна.

– Да мы просто пытаемся привыкнуть друг к другу, поскольку моя соседка – его близкая подруга, – отвечаю я, надеюсь, что Хардин меня не слышит.

– Я знаю, ты действительно можешь быть замечательной подругой. Только я не уверен, что Хардин этого заслуживает, – нарочно громко говорит Лэндон.

– Вам больше нечем заняться, кроме как перебивать мне кости? Проваливай, чувак!

Позади меня – Хардин.

Лэндон хмурится и снова смотрит на меня.

– Просто запомни, что я сказал. – Он уходит, и я переживаю, что расстроила друга.

– Послушай, ты не должен быть с ним так груб – вы ведь почти братья.

Глаза Хардина расширяются.

– Что ты сейчас сказала? – рычит он.

– Ну, твой папа и его мама?..

Неужели Лэндон соврал? Или я не должна была говорить об этом? Лэндон упоминал, что Хардин не поддерживает отношений с отцом, но я понятия не имела, что настолько.

– Это тебя не касается. – Хардин сердито смотрит на дверь, за которой исчез Лэндон. – Не понимаю, зачем этот кретин даже тебе рассказал. Кажется, надо вправить ему мозги.

– Хардин, оставь его в покое. Он не хотел мне рассказывать, я сама из него все вытянула. – Мысль, что Хардин может побить Лэндона, меня беспокоит. Надо срочно сменить тему. – Итак, чем сегодня займемся?

– Ничем. Это была плохая идея.

Он встает, поворачивается на каблуках и уходит. Минуту я стою на месте, ожидая, что он передумает и вернется. Какого черта? Вот уж точно, у него семь пятниц на неделе.

В общежитии застаю Зеда, Тристана и Стеф. Они втроем на соседкиной кровати. Тристан смотрит на Стеф, а Зед щелкает пальцами по выключателю стального фонарика. Обычно меня раздражают незваные гости, но мне нравятся и Зед и Тристан, и к тому же нужно отвлечься от неприятных мыслей.

– Привет, Тесса, как учеба? – спрашивает Стеф, одаривая меня широкой улыбкой.

Я не могу не заметить, как загораются глаза Тристана, когда он смотрит на подругу.

– Все нормально. А у тебя?

Я кладу книги на тумбочку, а Стеф рассказывает, как их профессор пролил на себя горячий кофе, не донеся до рта кружку.

– Хорошо выглядишь сегодня, Тесса, – говорит Зед, и я благодарю и залезаю к ним на кровать.

Кровать мала для нас всех, но мы все же помещаемся. Некоторое время болтаем о чудаках-профессорах. Неожиданно открывается дверь, и все поворачиваются посмотреть, кто пришел.

Это Хардин. Блин.

– Господи, чувак, мог бы хоть раз постучать! – ругает его Стеф, а Хардин пожимает плечами. – Вдруг я голая или еще что?

Она смеется, видимо, не сердясь на его бесцеремонность.

– Чего я там не видел, – шутит он.

Тристан мрачнеет, а остальные посмеиваются. Я не могу оценить их юмор: мысль о том, что Хардин и Стеф были вместе, меня бесит.

– Ой да ладно! – говорит она, смеясь, и берет Тристана за руку.

Он снова улыбается и немного придвигается к ней.

– Ну, ребята, что надумали? – спрашивает Хардин, сидя напротив нас на моей кровати.

Мне хочется его выгнать, но я молчу. На секунду мне показалось, что он пришел извиниться, но сейчас я понимаю, что он просто пришел потусоваться с друзьями, и я не в их числе.

Зед улыбается.

– Вообще-то, мы собирались в кино. Тесса, пошли с нами?

Прежде чем я успеваю ответить, Хардин опережает меня.

– По правде говоря, у нас с Тессой были планы, – говорит он со странной интонацией.

Господи, как он непредсказуем!

– Что? – одновременно восклицают Зед и Стеф.

– Да, я как раз пришел ее забрать. – Хардин встает и засовывает руки в карманы, поворачиваясь к двери. – Ты как там, готова?

Разум кричит «нет!», но я киваю и соскальзываю с кровати Стеф.

– Ну, пока! – кричит Хардин, практически выталкивая меня за дверь.

На улице он ведет меня к машине и, к моему удивлению, даже открывает мне дверцу. Но я стою, скрестив руки на груди, и смотрю на него.

– Не думаю, что буду каждый раз открывать тебе дверь...

Я качаю головой.

– Что это было? Я прекрасно знаю, что ты пришел не за мной, – ты сам буквально сегодня сказал, что не собираешься со мной гулять, – кричу я.

Мы снова орем друг на друга. Он меня просто бесит.

– Да, говорил. А теперь садись в машину.

– Нет! Если ты не признаешься, что пришел не для того, чтобы меня увидеть, я вернусь обратно и пойду в кино с Зедом, – говорю я, и он стискивает зубы.

Я так и знала. Хардин просто не хочет, чтобы я пошла в кино с Зедом, – и это единственная причина, по которой он меня вытащил.

– Признай это, Хардин, или я уйду.

– Ладно, хорошо. Признаю. А теперь залезай в эту чертову машину. Больше повторять не буду, – говорит он, садясь за руль.

Подавляя внутреннее сопротивление, тоже сажусь.

Хардин все еще злой, когда выезжает с парковки. Врубает музыку на полную громкость. Я тянусь и выключаю ее.

– Не трогай радио! – орет он.

– Если всегда будешь таким придурком, я не буду с тобой гулять, – заявляю я.

Я совершенно уверена, что я сдержу слово. Если он не прекратит – мне все равно, где

мы будем, доберусь домой автостопом или как-нибудь еще.

– Не буду. Только оставь в покое музыку.

Вспоминаю, как Хардин швырял мои конспекты, и мне хочется вырвать магнитолу и выкинуть в окошко. Если бы я знала, как вытащить ее из приборной панели, я бы так и сделала.

– Разве тебе не все равно, пойду ли я с Зедом в кино? Стеф с Тристаном тоже собирались.

– Просто мне кажется, у Зеда не самые лучшие намерения на твой счет, – тихо говорит он, глядя на дорогу.

Я смеюсь, а он хмурится.

– Да ну, а у тебя? По крайней мере, Зед мне нравится.

Не могу удержаться от смеха. То, что Хардин пытается меня защитить, довольно смешно. Зед – просто друг, не более того. Как и Хардин.

Хардин качает головой, но молчит. Он снова включает музыку, и вой гитар и басов буквально режет мне уши.

– Можешь сделать потише?

К моему удивлению, он убавляет громкость, оставляя музыку как фон.

– Это ужасная музыка.

Он смеется и крутит руль.

– Нет. Хотя мне интересно знать, что, по твоему мнению, хорошая музыка.

С такой улыбкой он кажется спокойным, особенно сейчас, когда ветер из опущенного окна развеивает ему волосы. Хардин поднимает руку и откидывает хайер. Мне нравится это движение, но я гоню из головы подобные мысли.

– Ну, мне нравятся BonIver², и Fray³, – наконец отвечаю я.

– Ну да, конечно, – усмехается он.

Мне обидно за любимые группы.

– А что с ними не так? Они очень талантливые, у них прекрасная музыка.

– Ага, очень талантливые. У них талант нагонять на людей сон.

Я поворачиваюсь и шутливо бью его в плечо, он морщится и смеется.

– Мне нравится, – улыбаясь, говорю я.

Если мы сможем поддерживать такое настроение, как сейчас, то мы действительно неплохо проведем время. Смотрю в окно и понимаю, что действительно не представляю, где мы находимся.

– Куда мы едем?

– В одно из моих любимых мест.

– А именно?

– Тебе действительно все нужно знать заранее?

– Да, мне нравится...

– Все контролировать?

Я молчу. Я знаю, что он прав; я действительно хочу все держать под контролем.

– Не скажу, пока не приедем... то есть еще пять минут.

Откидываюсь на кожаное сиденье и оглядываюсь назад. Грязная стопка учебников и листы бумаги – с одной стороны, и плотная черная толстовка – с другой.

– Увидела что-то интересное? – неожиданно спрашивает Хардин, и я смущаюсь.

– Что это за машина? – спрашиваю я.

Надо заставить себя не думать о том, что я не знаю, куда мы едем, и не привлекать его внимания любопытством.

² Bon Iver – американская инди-фолк-группа.

³ The Fray – американская поп-рок-группа.

– «Форд Капри», классика, – отвечает Хардин, явно хвастаясь.

Он принимается рассказывать о машине. Хотя я совершенно ничего не понимаю, о чем он говорит, мне нравится следить за его губами, как они двигаются и как он растягивает слова.

Несколько раз Хардин мельком смотрит на меня, потом резко бросает:

– Я не люблю, когда на меня пялятся. – Но через некоторое время вновь улыбается.

Глава 25

Мы начинаем спускаться по гравийной дороге, и Хардин выключает музыку, так что слышен только хруст гравия под колесами. Внезапно я понимаю, что мы посреди пустоши, черт знает где. Поднимается тревога; мы одни, совсем одни. Ни машин, ни зданий, ничего вокруг.

– Не беспокойся, я тебя сюда привез не для того, чтобы убивать, – шутит он, и я хмыкаю.

Видимо, он не понимает, что я больше боюсь того, что я могу сделать с ним наедине, чем того, что он сделает со мной. Еще через километр мы останавливаемся. Смотрю в окно и не вижу ничего, кроме травы и деревьев. Вокруг желтые полевые цветы, дует теплый ветер. Конечно, это очень хорошее, спокойное место. Но почему он привез меня именно сюда?

– Что мы здесь будем делать? – спрашиваю я, вылезая из машины.

– Для начала немного пройдемся.

Я вздыхаю. Значит, он решил меня проверить?

Заметив мое кислое выражение, он добавляет:

– Это не очень далеко.

И идет по траве, примятой, будто по ней уже ходили несколько раз.

Большую часть времени мы молчим, если не считать пары колкостей Хардина насчет моей медлительности. Я не отвечаю и осматриваю окрестности. Понимаю, что Хардину очень нравится это, казалось бы, случайное место. Так тихо. Спокойно. Я могла бы остаться тут навсегда, будь у меня книги. Он сходит с тропки и идет через лес. Во мне снова пробуждается врожденная подозрительность, но я следую за ним. Через некоторое время мы выходим из леса к речке. Не знаю, где мы, но река, похоже, довольно глубокая.

Хардин молча стягивает через голову свою черную футболку. Вновь скользну взглядом по разрисованному телу. Сейчас голые ветви набитого на его коже засохшего дерева выглядят красивее, чем при ярком освещении. Он наклоняется, чтобы расшнуровать грязные черные ботинки, и ловит мой взгляд.

– Погоди, зачем ты раздеваешься? – спрашиваю я, глядя на реку. О нет! – Ты что, собираешься плавать? Здесь? – Я указываю на реку.

– Да, и ты тоже. Я тут всегда плаваю.

Он расстегивает штаны, и я заставляю себя не смотреть на проступающие мышцы спины, когда он наклоняется.

– Я не буду тут плавать.

Я не против искупаться, но не в незнакомом месте, в непонятной речке.

– Почему это? – Он кивает на речку. – Здесь чисто. Дно видно.

– Так... Там, может, рыбы или еще черт знает что. – Понимаю, что это глупо, но мне наплевать. – Кроме того, ты не сказал мне, что мы едем купаться, так что мне не в чем. – С этим не поспоришь.

– Ты хочешь сказать, ты из тех девчонок, что не носят нижнего белья? – Хардин ухмыляется, и я смотрю на него, на эти ямочки. – Нет, значит, иди в трусах и лифчике.

Он что, надеялся, что я приду сюда, разденусь и буду с ним плавать? Внутри у меня становится тепло от мысли, что я окажусь в воде, почти раздетая, рядом с Хардином. Что он со мной делает? У меня никогда раньше не возникало таких мыслей.

– Ты иди, а я не буду плавать в белье. – Я сажусь на траву. – Просто посмотрю.

Хардин хмурится. Он в одних облегающих черных боксерах. Я второй раз вижу его без одежды, и сейчас, под открытым небом, Хардин выглядит еще лучше.

– Ты зануда. И многое теряешь, – категорически заявляет он.

И прыгает в воду.

Я смотрю на траву, срываю несколько стебельков и играю ими. Слышу крик Хардина: «Вода теплая, Тесс!» Со своего места я вижу капли, стекающие по черным волосам. Он улыбается и вытирает рукой лицо.

На мгновение я жалею, что не такая смелая, как Стеф, например. Будь я Стеф, я бы разделась и прыгнула в теплую воду. Я бы плескалась, забиралась на крутой берег и прыгала вниз и висла бы на Хардине. Я была бы веселой и беззаботной.

Но я не Стеф. Я Тесса.

– Что-то у нас пока какая-то скучная дружба получается, – кричит мне Хардин и подплывает ближе. Я закатываю глаза, и он смеется.

– Хоть туфлиними и ноги помочи. Вода замечательная, но скоро будет слишком холодно для купания.

Помочить ноги – это неплохо. Снимаю туфли и, закатав джинсы достаточно высоко, захожу в воду. Хардин прав, вода теплая и прозрачная. Шевелю пальцами и не могу удержаться от улыбки.

– Приятно ведь? – спрашивает он, и я киваю. – Ну так давай, купайся.

Я качаю головой, и он брызгает на меня водой. Я выскакиваю из воды и хмурюсь.

– Если зайдешь в воду, я отвечу на любой твой вопрос. На любой, но только один, – предупреждает Хардин.

Меня охватывает любопытство, и я задумчиво наклоняю голову. В нем столько тайн – и вот шанс узнать одну из них.

– Предложение истекает через минуту, – объявляет он и ныряет.

Я вижу длинное тело, плывущее в прозрачной воде. Мне смешно, что Хардин со мной торгуется. Он знает, как использовать мое любопытство против меня.

– Тесса, – говорит он, как только его голова оказывается на поверхности, – перестань раздумывать и просто ныряй.

– Мне не в чем. Если я прыгну в одежде, мне придется идти к машине и ехать обратно в мокром, – жалобно говорю я.

Я почти хочу оказаться в воде. Или нет, точно хочу.

– Надень мою футболку, – предлагает он. Я в изумлении жду, когда он скажет, что пошутил, но не тут-то было. – Давай, надевай. Она достаточно длинная, так что можешь даже оставить свое белье на берегу.

Хардин улыбается. Я следую его совету и перестаю волноваться.

– Хорошо, только отвернись и не смотри на меня, пока я переодеваюсь – я этого не люблю!

Изо всех сил стараюсь говорить строго, но он только смеется. Он отворачивается и плывет к противоположному берегу, а я с максимальной скоростью переодеваюсь. Хардин прав, футболка доходит мне до середины бедра. Меня просто восхищает ее запах: слабый аромат одеколona, смешанный с запахом, который я могу описать, как «Хардин».

– Давай скорей, черт побери, или я поворачиваюсь, – кричит он, и мне жаль, что поблизости нет палки, чтобы запустить ему в голову.

Я снимаю джинсы, сложив их и свою рубашку аккуратно, рядом с туфлями на траве. Хардин оборачивается, и я натягиваю полы черной футболки, пытаюсь максимально прикрыть тело. Он шарит по мне расширенным взглядом. Сжимает губное кольцо между зубами, и я замечаю, как его щеки вспыхивают. Должно быть, он замерз, потому что я знаю, что это не может быть реакция на меня.

– Ну, ты идешь? – спрашивает он хрипло, не так, как обычно. Я киваю и медленно подхожу к берегу. – Просто прыгай!

– Прыгаю, прыгаю! – кричу я нервно, и он смеется.

– Разбегись немного!

– Хорошо.

Я отступаю и разбегаюсь. Это глупо, но моя вечная склонность к просчитыванию не позволяет мне довершить начатое. Когда я делаю последний шаг к воде, смотрю вниз и останавливаюсь на краю.

– Ну, давай! Так хорошо стартовала!

Он запрокидывает голову от смеха; он очарователен.

Хардин очарователен?

– Я не могу!

Не знаю, что именно мне мешает; река достаточно глубока для прыжка и в то же время не настолько, чтобы было опасно. В том месте, где стоит Хардин, вода доходит ему до груди, значит, мне будет как раз до подбородка.

– Ты боишься? – Голос спокоен и серьезен.

– Нет... Я не знаю. Немного, – признаюсь я, и он идет ко мне.

– Сядь на край, я тебе помогу.

Я сажусь, тщательно прикрыв ноги, чтобы он не видел мои трусики. Он замечает это и с усмешкой меня подхватывает. Его руки сжимают мои бедра, и я снова вспыхиваю внутренним огнем. Почему тело так реагирует на его прикосновения? Я пытаюсь стать его другом, так что придется научиться не обращать внимания на этот огонь. Хардин кладет руки мне на талию и спрашивает:

– Готова?

Как только я киваю, он поднимает меня и тянет в воду, теплую и удивительно освежающую. Хардин очень быстро отпускает меня, и я стою в воде напротив него. Мы ближе к берегу, и вода мне – почти по грудь.

– Не будем же мы просто так стоять, – насмешливо говорит он.

Я не отвечаю, но захожу глубже. Футболка пузырится вокруг меня, но я хлопаю по ней и тяну вниз. После этого футболка оседает и так и остается.

– Да сними ее просто, – усмехается Хардин, и я брызгаю в него водой.

– Ах, ты плескаться? – смеется он, и я киваю, брызгая на него снова.

Он опускает голову и, нырнув, приближается ко мне. Его длинные руки обхватывают мою талию и тянут вниз. Я зажимаю рукой нос; я так и не научилась без этого нырять. Когда мы выныриваем, Хардин откашливается, и я не могу удержаться от смеха. Мне с ним весело, по-настоящему весело, никакое кино не сравнится.

– Не знаю, что лучше: то, что тебе со мной действительно хорошо, или то, как ты зажимаешь нос под водой, – говорит он сквозь смех.

Чувствуя внезапный прилив храбрости, ныряю и плыву к нему под водой. Футболка снова парусит, и я стараюсь подтолкнуть Хардина. Конечно, для меня он слишком силен и не сдвигается с места, только смеется, показывая красивые белые зубы. И почему он не может всегда быть таким?

– Кажется, ты должен мне ответ на вопрос, – напоминаю я.

Он смотрит мимо меня на берег.

– Конечно. Но только один.

Не знаю, что именно спросить, у меня так много вопросов. Но прежде, чем придумываю, слышу собственный голос, принявший решение за меня:

– Кого ты любишь больше всех на свете?

Ну зачем я это спрашиваю? Я хотела бы знать более конкретные вещи. Например, почему он такой придурок? Зачем он приехал в Америку?

Он смотрит на меня подозрительно, как будто в замешательстве.

– Себя, – отвечает он наконец и на несколько секунд исчезает под водой.

Когда он выныривает, я качаю головой.

– Это не может быть правда, – с вызовом говорю я.

Я знаю, он очень заносчив, но должен же он любить кого-то... Кого?

– А как же родители? – спрашиваю я и тут же жалею об этом.

Его лицо дергается, взгляд теряет мягкость.

– Не говори о моих родителях больше, ясно? – отчеканивает он, и я хочу укунить себя за то, что испортила то хорошее, что только что установилось.

– Извини, мне просто интересно. Ты сказал, что ответишь на вопрос, – спокойно напоминаю я. Его лицо немного смягчается, и он подходит ко мне, пуская рябь по воде. – Извини, Хардин, я больше не буду их упоминать, – обещаю я.

Мне действительно не хочется с ним воевать; если я сильно его разозлю, он, скорее всего, оставит меня здесь.

Хардин застаёт меня врасплох: внезапно хватает за талию и поднимает в воздух. Я дрыгаю руками и ногами, кричу, чтобы он отпустил меня, но это его только веселит, и он, смеясь, бросает меня в воду. Когда выныриваю, его глаза сверкают ликованием.

– Ты за это ответишь! – кричу я.

Он демонстративно зевает в ответ, и, когда я снова подплываю к нему, он снова меня хватает. Но на этот раз я бессознательно обхватываю ногами его талию. С его губ срывается неожиданный возглас.

– Прости, – бормочу я, расцепляя ноги.

Но он хватает их и снова соединяет у себя за спиной.

Между нами снова проскакивает искра, но на этот раз – гораздо сильнее, чем раньше. Почему это всегда случается с ним? Я ограждаю себя от таких мыслей и обнимаю его за шею, чтобы не упасть.

– Что ты делаешь со мной, Тесс? – произносит он тихо и прикасается большим пальцем к моим губам.

– Я не знаю, – честно отвечаю я, касаясь губами его пальца.

– Твои губы... и то, что ты можешь ими делать, – говорит он медленно, соблазнительно. Я чувствую, как внизу живота вспыхивает огонь, заставляющий меня обвиснуть на его руках. – Ты хочешь, чтобы я остановился? – Он смотрит мне в глаза, его зрачки так расширены, что вокруг них остается только узенький темно-зеленый ободок.

Прежде чем успеваю сообразить, качаю головой и прижимаюсь к нему под водой.

– Ты же понимаешь, что мы не можем быть друзьями?

Его губы касаются моего подбородка, и я вся дрожу. Он продолжает осыпать меня поцелуями, цепочкой по скуле, и я киваю. Я знаю, что он прав. Понятия не имею, что с нами, но знаю, что мы с Хардином не можем оставаться просто друзьями. Его губы касаются моей шеи где-то прямо под ухом, и я не могу удержаться от стоны, заставляющего Хардина снова целовать меня туда, на этот раз посасывая мою кожу.

– О, Хардин! – шепчу я, сжимая его ногами.

Завожу руки ему на спину и впиваюсь ногтями в его кожу. Я чувствую, что могу взорваться от одних только этих поцелуев.

– Я хочу, чтобы ты стонала мое имя снова и снова. Пожалуйста, сделай это, – говорит он голосом, полным страсти.

И я знаю, что у меня нет ни единого шанса отказать.

– Скажи это, Тесса. – Он прихватывает мочку моего уха зубами, и я киваю снова, сильнее. – Мне нужно, чтобы ты сказала это вслух, детка, чтобы я знал, что ты действительно хочешь меня.

Его рука опускается вниз и залезает под футболку, в которую я одета.

– Я хочу... – выдыхаю я, и он улыбается, уткнувшись мне в шею, и продолжает свою нежную атаку.

Не говоря больше ни слова, он обхватывает мои бедра и, выходя из воды, поднимает все выше. На берегу опускает. Мои стоны, конечно, только подстегивают его самолюбие, но сейчас меня это не волнует. Я знаю только, что хочу его. Он берет меня за руки и тянет за собой на берег.

Не зная, что делать, я стою на траве, в отяжелевшей мокрой футболке Хардина на

плечах, и думаю, что он слишком далеко от меня.

Он наклоняется ко мне, глядя прямо в глаза.

– Ты хочешь, чтобы это случилось здесь? Или у меня в комнате?

Нервно пожимаю плечами. Я не хочу идти в его комнату, потому что это далеко и за то время, что мы доберемся туда, я смогу осознать то, что собираюсь сделать.

– Здесь, – говорю я, оглядываясь.

Вокруг ни души, и я молюсь, чтобы никто сюда не забрел.

– Торопишься? – улыбается он.

Я пытаюсь закатить глаза, но это выходит очень нетерпеливо. Когда Хардин не касается меня, пламя внутри медленно гаснет.

– Иди сюда, – нежно говорит он, понижая голос.

Спокойно иду по мягкой траве – и вот я уже в нескольких сантиметрах от Хардина. Его руки сразу тянутся к футболке, он ее снимает. То, как он смотрит, сводит с ума; я уже себя не контролирую. Сердце бьется все чаще; он скользит по мне взглядом сначала вверх, потом вниз и наконец берет меня за руку.

Расстилает на траве рубашку, как покрывало.

– Ложись, – говорит он и тянет меня вниз.

Я ложусь спиной на мокрую ткань, и он полулежит на боку, опираясь на локоть. Еще никто не видел меня обнаженной, а Хардин видел много девушек, и некоторые были куда красивее меня. Поднимаю руки, чтобы прикрыться, но Хардин садится, берет мои запястья и откидывает их в стороны.

– Никогда не закрывайся от меня, – говорит он, глядя мне в глаза.

– Я просто... – начинаю я.

Хардин обрывает:

– Не закрывайся, тебе нечего стыдиться, Тесс.

На самом ли деле он так считает?

– Я же вижу, – продолжает он, будто прочитав мои мысли.

– У тебя было столько девушек... – ляпаю я, и он морщится.

– Не таких, как ты.

Я могу понять его ответ по-разному, но пропускаю сказанное мимо ушей.

– У тебя есть презерватив? – спрашиваю я, пытаюсь вспомнить то небольшое, что я знаю о сексе.

– Презерватив? – усмехается он. – Я не собираюсь заниматься с тобой сексом.

Чувствую, что у меня начинается паника. Это все – шутка, чтобы меня унижить?

– А.

Это единственное, что я могу произнести, пытаюсь подняться. Но он хватает меня за плечи и мягко толкает обратно. Я уверена, что вся красная, и не хочу встречаться с ним взглядом.

– Куда это ты собралась? – начинает Хардин, но потом до него доходит. – Ой... Нет, Тесс, я не это имел в виду. Я хотел сказать, что ты еще не готова... полностью, поэтому я не собираюсь заниматься с тобой сексом... – Мгновение он смотрит на меня. – Сегодня, – добавляет он, наконец, и я чувствую, что боль в груди несколько утихает. – Есть многое другое, что я хочу с тобой сначала сделать.

Он нависает надо мной, поддерживая себя на руках. С его мокрых волос течет вода, и я дергаюсь.

– Поверить не могу, что никто тебя раньше не трахал, – шепчет он и снова ложится на бок рядом со мной.

Хардин дотрагивается рукой до моей шеи и ведет по ней, касаясь меня только кончиками пальцев, вниз между грудей и дальше по животу, останавливаясь чуть выше трусиков. Неужели мы действительно делаем это, я и Хардин? Что он собирается делать? Будет ли мне больно? Тысяча мыслей пронесется в моей голове и исчезает, когда его рука оказывается в моих трусах. Я слышу его свистящее дыхание, когда он приближается своими

губами к моим.

Его пальцы еле шевелятся, и это мне удивительно.

– Тебе хорошо? – спрашивает он, касаясь губами моих губ.

Он только немного проводит там – как получается, что мне так приятно? Я киваю. И он медленно скользит пальцами ниже.

– Это приятнее, чем когда ты сама это делаешь?

Что?

– Приятнее? – снова спрашивает он.

– Ч-что? – выдавливаю я, почти не контролируя мысли и тело.

– Когда ты касаешься себя? Ты чувствуешь то же самое?

Я не знаю, что ответить, и просто смотрю на него; в его глазах что-то мелькает.

– погоди... Неужели ты никогда этого не делала? – Его голос полон удивления и еще... желаний? Он целует меня, двигая пальцами вверх-вниз. – Ты так реагируешь на меня, такая мокрая, – говорит он, и я могу только стонать в ответ.

Почему эти непристойности так возбуждают, когда их произносит Хардин? Я чувствую нежное покалывание – и неожиданно Хардин пропускает разряд через все мое тело.

– Что? Что это... было? – наполовину спрашиваю, наполовину кричу я.

Он молча улыбается, но я чувствую, как он делает это снова, и моя спина выгибается над травой. Его губы скользят по моей шее к груди. Язык ныряет под чашечку бюстгалтера, рука сжимает грудь. Я чувствую, как растет напряжение внизу моего живота, какое прекрасное ощущение. Закрываю глаза и кусаю губы; спина снова выгибается, а ноги подрагивают.

– Отлично, Тесса, иди сюда, – говорит Хардин и делает что-то, что заставляет меня совершенно потерять контроль. – Посмотри на меня, детка.

Я открываю глаза. При виде его губ, ласкающих мою грудь, меня уносит на самый пик наслаждения, и несколько секунд перед глазами стоит белая пелена.

– Хардин! – повторяю я снова и снова.

Его щеки горят, я понимаю, что ему это нравится.

Он медленно кладет руку мне на живот, пока я пытаюсь перевести дыхание. Мое тело никогда еще не было настолько напряженным до и настолько расслабленным после того, что произошло.

– У тебя есть минута, чтобы восстановиться, – смеется он, откидываясь назад.

Я хмурюсь. Мне хочется, чтобы он оставался рядом, но я не в силах сказать ни слова. После нескольких минут, лучших в моей жизни, я снова сажусь и смотрю на Хардина. На нем уже джинсы и ботинки.

– Мы уже уходим? – говорю я со смущением в голосе.

Я думала, он захочет, чтобы я тоже ласкала его; даже если я и не знаю, как это делать, он мог бы мне объяснить.

– Да, ты хотела остаться тут еще?

– Я просто подумала... Я не знаю. Я думала, ты хочешь...

Я не знаю, как сказать об этом. К счастью, он догадывается.

– А, нет. Мне пока и так хорошо, – говорит он, слегка улыбаясь.

Неужели после всего этого он снова станет несносным и грубым? Надеюсь, что нет. Я никогда и ни с кем не была так близка, как с ним сейчас. И я не выдержу, если он снова станет таким, каким был раньше. Он сказал «пока», значит, он потом захочет чего-то большего? Я уже начинаю ждать этого момента. А пока натягиваю мокрые трусы и бюстгалтер, стараясь не обращать внимания на сырость. Хардин берет свою футболку и протягивает мне. На мое недоумение объясняет: «вместо полотенца», указывая глазами на мои бедра.

Ой. Расстегиваю брюки, и пока он отворачивается, вытираю футболкой между ног. Я замечаю, как он проводит языком по нижней губе, глядя на меня. Хардин достает из кармана джинсов мобильный и несколько раз скользит по экрану пальцем. Вытеревшись, отдаю ему

футболку. Когда я надеваю туфли, ощущение близости уже проходит, и мне хочется оказаться от Хардина как можно дальше. Я жду, что он заговорит со мной, пока мы идем к машине, но он молчит. В моей голове уже выстраивается наихудший сценарий дальнейших событий. Он открывает для меня дверцу машины, я киваю.

– Все в порядке? – спрашивает он, ведя машину обратно по гравийной дороге.

– Не знаю. Почему ты сейчас такой странный? – спрашиваю я, хотя боюсь ответа и избегаю смотреть на него.

– Я не странный, ты странная.

– Нет, ты ни слова не сказал, с того момента, как... ну, ты понял.

– С того момента, как я довел тебя до первого в твоей жизни оргазма?

Мое лицо вспыхивает. Почему я все еще не привыкла к его пошлым словечкам?

– Хм... ну да. Ты не сказал ни слова. Мы оделись и поехали обратно. – Честность в данном случае, кажется, – лучшая политика, поэтому добавляю: – Это заставляет меня чувствовать себя использованной.

– Что? Я тебя не использую. Если ты используешь кого-то, ты от него что-то получаешь, – говорит он так небрежно, что я чувствую, как к глазам подступают слезы.

Пытаюсь сдержаться, но не могу.

– Ты плачешь? Что я такого сказал? – Он придвигается и кладет мне руку на колено. Как ни странно, это меня успокаивает. – Прости, я не то имел в виду. Я не привык много говорить после, к тому же я не собирался просто довести тебя до комнаты и разойтись. Я думаю, мы пообедаем. Уверен, ты голодная.

Он осторожно сжимает мне ногу. Я улыбаюсь в ответ, мне легче. Вытираю внезапные слезы, и с ними исчезает и беспокойство.

Я не знаю, что в Хардине делает меня такой эмоциональной. Мысль, что он использует меня, расстраивает больше, чем я ожидала. Я совсем запуталась в чувствах. Я его ненавижу, а через минуту готова расцеловать. Он заставляет меня чувствовать то, о чем я даже не подозревала, и не только в смысле секса.

Он заставляет смеяться и плакать, стонать и кричать, но прежде всего он заставляет чувствовать себя живой.

Глава 26

Рука Хардина так и лежит на моем бедре, и мне хочется, чтобы он никогда ее не снимал. Я использую возможность получше рассмотреть тату. Мне вновь бросается в глаза символ бесконечности выше запястья, и я не могу не задуматься, что он для него значит. В знаке, набитом на коже, чувствуется какой-то глубокий личный смысл. Я смотрю на другое его запястье, ожидая увидеть похожий символ, но его нет. Знак бесконечности довольно распространен, особенно среди женщин, но две петли на руке Хардина представляют собой сердца, отчего мне становится еще любопытней.

– Что ты хочешь съесть? – спрашивает он.

Удивительно обыденный вопрос, для Хардина не типичный. Скручиваю спутанные почти высохшие волосы в пучок и на мгновение задумываюсь, чего хочу.

– Эээ... Я бы хотела знать, из чего приготовлено блюдо, и в нем не должно быть кетчупа.

Он смеется.

– Тебе не нравится кетчуп? Разве не все американцы его обожают? – дразнит он.

– Не знаю, терпеть не могу.

Мы оба смеемся, и Хардин предлагает:

– Тогда обойдемся закусочной.

Я киваю, и он тянется сделать музыку погромче, но останавливается и снова кладет руку мне на колено.

– Так что же ты планируешь делать после колледжа? – спрашивает он; он уже задавал

этот вопрос тогда, в своей комнате.

– Собираюсь переехать в Сиэтл, надеюсь работать в издательстве или стать писательницей. Я знаю, это глупо, – говорю я, смутившись от собственных амбиций. – Ты уже спрашивал, помнишь?

– Нет, это не глупо. Я знаю кое-кого в Vance Publishing House; это тяжеловато, но может пригодиться тебе как стажировка. Я могу с ними поговорить.

– Что? Ты можешь сделать это для меня?

От удивления я еле пишу; это совсем не то, чего я ожидала от Хардина, даже такого доброго.

– Да, это не очень сложно.

Кажется, он несколько смутился. Я уверена, что он не привык делать добро.

– Ничего себе! Спасибо. Правда, спасибо! Мне как раз в ближайшее время потребуется стажировка или подработка, а это же буквально моя мечта! – Я хлопаю в ладоши.

Он посмеивается.

– Не за что.

Подъезжаем к маленькой стоянке у старого кирпичного здания.

– Готовят тут восхитительно, – говорит Хардин, выходя из машины.

Огибает автомобиль, открывает багажник и достает оттуда... другую такую же черную футболку. У него их, наверное, миллион. Я так залюбовалась видом его голого тела, что забыла, что он, в конце концов, оденется.

Заходим и усаживаемся в пустом зале. Пожилая официантка приносит нам меню, но Хардин машет рукой, с ходу заказывая гамбургер и жаркое, знаком веля мне заказать то же самое. Я доверяю ему и повторяю заказ, конечно, за исключением кетчупа.

Пока мы ждем, я рассказываю о жизни в Ричленде, городе, о котором он, житель Англии, ничего не слышал. Но Хардин немного потерял; это маленький городишко, все занимаются одним и тем же, и никто никуда не уезжает. Никто, кроме меня: я никогда туда не вернусь. Сам он не очень-то распространяется о прошлом, но я терпелива и умею ждать. Ему, кажется, интересно слушать о моем детстве; он хмурится, когда я говорю, что отец пил. Я упоминала об этом раньше, во время какой-то ссоры, но сейчас рассказываю подробнее. Как раз, когда мы замолкаем, появляется официантка с едой на подносе, выглядящей просто восхитительно.

– Вкусно? – спрашивает Хардин, когда я откусываю первый кусок.

Я киваю и вытираю рот. Жаркое замечательное, а я голодна, как никогда в жизни, и мы оба очищаем наши тарелки.

Обратно едем совершенно расслабленные. Пальцы Хардина поглаживают мою ногу, и при виде эмблемы университета я расстраиваюсь, что мы так быстро добрались до кампуса.

– Ты не жалеешь, что провел со мной время? – спрашиваю я, чувствуя себя намного ближе к нему, чем несколько часов назад.

Он действительно может быть приятным парнем, когда старается.

– Нет, все было хорошо. – Он, похоже, удивлен. – Слушай, я бы проводил тебя до комнаты, но Стеф начнет засыпать вопросами... – Он улыбается и наклоняется ко мне.

– Хорошо. До завтра, – отвечаю я.

Не знаю, должна ли я попытаться поцеловать его на прощание, поэтому рада, когда он берет прядку волос и убирает ее мне за ухо. Прижимаюсь лицом к его ладони, а он наклоняется ниже, прижимаясь губами к моим губам. Это обычный нежный поцелуй, но я чувствую, как мое тело теплеет, и мне нужно больше. Хардин берет меня за руку и жестом показывает, чтобы я перелезла через сиденье. Я быстро прыгаю со своего места ему на колени и ударяюсь спиной о руль. Чувствую, как он немного откидывает сиденье, освобождая нам место, поднимаю его футболку и скольжу под ней руками. Его живот твердый и горячий. Вожу руками по его татуировкам. Его язык находит мой, объятия становятся теснее, настолько, что мне почти больно, но я согласна терпеть эту боль, только бы быть рядом с ним. Он стонет, когда я провожу рукой еще ниже, и мне нравится, что я

тоже могу заставить его стонать. Я снова растворяюсь в ощущениях – и тут нас прерывает резкий сигнал телефона.

– Снова будильник? – усмехается Хардин, пока я лезу в сумочку.

Улыбаясь, я уже открываю рот, чтобы ответить что-нибудь остроумное, но в этот момент я вижу на экране номер Ноя и останавливаюсь. Смотрю на Хардина и понимаю, что он догадался, от кого звонок. Выражение его лица меняется. Боясь его расстроить, я спешно нажимаю «сброс» и швыряю телефон на сиденье. Сейчас я думаю не о Ное. Его образ в сознании вытолкнут на задний план и накрепко заперт.

Я наклоняюсь, чтобы продолжить целовать Хардина, но он останавливает меня.

– Наверное, я лучше пойду.

Резкий тон меня беспокоит. Откидываясь назад, смотрю на него: его взгляд холоден. Пламя внутри меня мгновенно сменяется льдом.

– Хардин, я сбросила вызов. Я собираюсь поговорить с ним обо всем этом, просто не знаю, как и когда, но это будет в ближайшее время, обещаю.

В глубине сознания мысль, что я должна порвать с Ноем, зародилась еще в момент, когда я впервые поцеловала Хардина. Я не могу с ним встречаться, поскольку уже предала его. Это предательство будет висеть надо мной, как грозное облако, мы оба этого не захотим. И то, что я сейчас чувствую к Хардину, – еще одна причина, по которой я не могу быть с Ноем. Я его люблю, но если бы мои чувства к нему были такими, каких он на самом деле заслуживает, я не была бы с Хардином. Мне не хочется обижать Ноя, но выбора нет.

– Поговорить с ним о чем? – Хардин выпрямляется.

– Обо всем, – показываю я вокруг. – О нас.

– О нас? Ты хочешь сказать, вы собираетесь расстаться с ним... Из-за меня, что ли?

У меня кружится голова. Я знаю, что должна сейчас слезть с его колен, но застываю на месте.

– Ты не... не хочешь, чтобы я?.. – сиплю я.

– Нет, почему же? Я имею в виду, если хочешь, бросай его, но не надо делать это от моего имени.

– Просто... Я думала... – Я отчаянно подыскиваю слова.

– Я же говорил, что ни с кем не встречаюсь, Тереза, – говорит Хардин.

Я замираю, как олень в свете фар; единственное, что заставляет меня подняться с его коленей, это то, что я не хочу, чтобы он видел, как я снова плачу.

– Ты отвратителен, – говорю я с горечью, забирая вещи и телефон с сиденья. Хардин собирается что-то сказать, но замолкает. – С этой минуты держись от меня подальше! – кричу я, и он закрывает глаза.

Я иду в комнату быстро, как только могу. Изо всех сил сдерживаю слезы, захожу и закрываю за собой дверь, опускаюсь у двери на пол и рыдаю. Хорошо, что Стеф ушла. Как я могла быть такой дурой? Я же знала, кто он такой, когда соглашалась поехать с ним, но я ухватилась за эту возможность. Только из-за того, что он был сегодня очень любезен, я вбила себе в голову, что он станет моим парнем? Хохочу сквозь слезы над тем, какая я наивная дурочка. Я не могу даже злиться на Хардина. Он сказал мне, что не будет мне принадлежать, но сегодня он был такой хороший! Такой ласковый и веселый, что я вообразила, что мы действительно строим какие-то отношения.

Но все это оказалось только способом забраться ко мне в штаны. И я попалась.

Глава 27

Слезы высыхают, я принимаю душ, и к моменту, как Стеф возвращается из кино, я уже спокойна.

– Ну, как там ваша... встреча с Хардином? – спрашивает она, доставая из тумбочки пижаму.

– Замечательно, он очень хорошо себя вел, – говорю я, заставляя себя смеяться.

Мне хочется рассказать, чем мы занимались, но мне слишком неудобно. Я знаю, она не будет меня осуждать, но, несмотря на желание с кем-нибудь поделиться, все же не хочу об этом рассказывать.

Стеф смотрит на меня с нескрываемым беспокойством, и я отворачиваюсь.

– Только будь осторожна, ладно? Ты слишком хороша для такого, как Хардин.

Я хочу обнять ее и поплакаться в плечо, но вместо этого меняю тему:

– Как кино?

Она рассказывает, как Тристан угощал ее попкорном и что он начинает ей действительно нравиться. Я хочу остановить Стеф, но понимаю, что просто завидую, потому что Тристан ее любит, а Хардин меня нет. Но напоминаю себе, что есть человек, который меня любит, и что мне самой нужно относиться к нему лучше и держаться от Хардина подальше, и на этот раз серьезно.

На следующее утро я совсем измотана. У меня нет сил, и я чувствую, что в любой момент могу расплакаться. Глаза у меня красные и опухшие со вчерашнего вечера, поэтому беру косметичку Стеф, достаю коричневый карандаш и рисую тонкую линию на веках и под глазами. Так гораздо лучше. Наношу на лицо немного пудры, чтобы не казаться такой бледной. Несколько мазков туши – и я совсем другой человек. Довольная своим видом, надеваю узкие джинсы и майку. Но я чувствую себя раздетой, поэтому прихватываю из шкафа еще и белую кофту. Это самые большие усилия, которые я прикладывала к своей внешности в обычный учебный день, начиная со школьного выпускного.

Лэндон написал эсэмэс, что мы встретимся на лекции, поэтому в кофейне я беру кофе и ему. До начала занятия еще далеко, и я иду медленнее, чем обычно.

– Эй, ты Тесса? – слышу я мужской голос.

Навстречу идет симпатичный парень.

– Да, ты ведь Логан? – говорю я, и он кивает.

– Ты идешь в эти выходные на вечеринку? – спрашивает он.

Видимо, он член братства; разумеется, он опрятен и прекрасно выглядит.

– Ну нет, в эти выходные не пойду, – смеюсь я, и он тоже.

– Жаль, с тобой было интересно. Но если передумаешь, ты знаешь, где это. Мне пора, до встречи.

Он приподнимает воображаемую шляпу и уходит.

Лэндон уже сидит в аудитории; он несколько раз благодарит меня за кофе.

– Отлично выглядишь сегодня, – говорит он, когда я сажусь.

– Я накрасилась, – шучу я, и Лэндон улыбается.

Он не спрашивает о вечере с Хардином, и я ему благодарна. Не уверена, что расскажу ему об этом.

День начинается хорошо, и я забываю о Хардине до литературы.

Хардин сидит на обычном месте. Он одет в белую футболку, такую тонкую, что через нее просвечивают все тату. Меня поражает, насколько привлекательными я нахожу его татуировки и пирсинг, хотя я никогда раньше о них не думала. Быстро оглядываюсь, усаживаюсь на место и вытаскиваю конспекты. Я не пересяду из-за какого-то грубияна. Тем не менее, надеюсь, Лэндон скоро придет, и я не буду чувствовать себя так одиноко рядом с Хардином.

– Тесс? – шепчет Хардин, когда класс начинает заполняться.

Не отвечай ему. Игнорируй его, повторяю я себе.

– Тесс? – говорит он громче.

– Я не хочу с тобой разговаривать, Хардин, – сквозь зубы шепчу я, стараясь не смотреть в его сторону.

Я не попадусь больше в эту ловушку.

– Да ладно тебе, – говорит он, и я чувствую, что для него это все шуточки.

Я сурова, ну и пусть:

– Хардин, я сказала, оставь меня в покое.

– Хорошо, если хочешь, – говорит он так же жестко, и я вздыхаю.

Я рада, когда появляется Лэндон. Видя нас с Хардином, он ласково спрашивает:

– Все в порядке?

– Да, все нормально, – вру я, и лекция начинается.

Мы с Хардином не общаемся всю неделю. Каждый новый день дается мне все легче, я уже не думаю о нем так много. Стеф постоянно пропадает с Тристаном, так что комната почти все время в моем распоряжении, что и хорошо и плохо. Хорошо, потому что я успеваю много выучить, а плохо, потому что я остаюсь наедине с мыслями о Хардине. Всю неделю я крашусь немного больше, но одеваюсь во все те же свои закрытые консервативные наряды. В пятницу утром чувствую, что уже освободилась от истории с Хардином. Но тут все вокруг принимаются обсуждать предстоящую вечеринку в доме братства. Честное слово, там вечеринка каждую пятницу и субботу! Так почему им надо столько говорить об этом, да еще и мне промывать мозги?!

После того как человек десять спросили меня, пойду ли я туда, я делаю единственное, что точно удержит меня в стороне. Звоню Ною.

– Привет, Тесса! – щебечет он в трубку.

С нашего последнего разговора прошло несколько дней, и я уже забыла его голос.

– Как думаешь, ты мог бы приехать ко мне в гости?

– Конечно. Может, я приеду в следующие выходные?

У меня вырывается стон.

– Нет, я имею в виду сегодня. Не мог бы ты приехать прямо сейчас?

Я знаю, он любит все планировать заранее, как и я, но мне очень нужно, чтобы он пришел.

– Тесса, у меня после школы еще занятия. Я сейчас в школе, сейчас как раз обед, – объясняет он.

– Пожалуйста, Ной, я очень соскучилась. Разве ты не можешь сейчас уйти и приехать сюда на выходные? Пожалуйста? – Я упрашиваю его, но мне все равно.

– Хм... да, конечно, Тесса. Я сейчас приеду. Все в порядке?

Меня переполняет радость: я и вправду удивлена, что такой пунктуальный Ной согласился на это, я так рада, что он есть у меня.

– Да, я просто очень соскучилась. Не виделись уже две недели, – напоминаю я ему.

Он смеется.

– Я тоже по тебе скучаю. Сейчас возьму справку и через несколько минут выеду, буду у тебя около трех. Я люблю тебя, Тесса.

– Я тоже тебя люблю, – говорю я и вешаю трубку.

Ну, вот и все. Теперь появился шанс, что я, скорее всего, перестану ходить на вечеринки. С чувством неожиданного облегчения отправляюсь на литературу в нашем прекрасном старом кирпичном корпусе. Но радость была недолгой: в аудитории Хардин завис над столом Лэндона.

Что за черт?

Я вижу, как Хардин бьет по парте и рычит:

– Никогда больше не говори так, ничтожество!

Лэндон пытается встать, но драться с Хардином – безумие. Он сильный, но слишком добрый, и я не представляю себе, чтобы он с кем-то дрался.

Я хватаю Хардина за руку и тяну его от Лэндона. Он заносит другую руку, и я вздрагиваю, но как только он понимает, что это я, чертыхаясь, опускает руку.

– Оставь его в покое, Хардин! – кричу я и поворачиваюсь к Лэндону.

Он выглядит таким же возбужденным, как Хардин, но все же садится.

– Не лезь не в свое дело, Тереза, – ехидно говорит Хардин, уходя на свое место.

Его действительно лучше было бы отсадить куда-то назад.

Сидя между ними, шепотом спрашиваю Лэндона:

– Все в порядке? Что это было?

Лэндон смотрит на Хардина и вздыхает.

– Да он просто козел. Это слово его полностью характеризует, – громко говорит он и демонстративно ухмыляется.

Я хихикаю и выпрямляюсь. Хардин тяжело сопит рядом, и у меня появляется идея. Детская идея, но мне все равно.

– А у меня хорошие новости! – говорю я Лэндону сладким голосом.

– Правда? Что именно?

– Ко мне приедет Ной, и мы все выходные будем вместе!

Я улыбаюсь и хлопаю в ладоши. Я знаю, что переигрываю, но чувствую взгляд Хардина и знаю, что он меня слышал.

– В самом деле? Отлично! – искренне отвечает Лэндон.

Лекция начинается и заканчивается, но Хардин не говорит мне ни слова. Теперь так всегда и будет; ну и замечательно. Желаю Лэндону хороших выходных и возвращаюсь к себе, чтобы поправить макияж и перекусить перед приездом Ноя. Посмеиваюсь над собой, пока крашусь. Когда это я превратилась в девушку, которая «поправляет макияж» перед приходом своего бойфренда? Я знаю, что я стала такой с того дня, как встретила с Хардином, после полученного опыта, который меня изменил, и после того, как Хардин заставил меня страдать, что изменило меня еще больше. И макияж – это только малая часть перемен, которые во мне произошли.

Я ем и слегка прибираюсь, складываю и убираю одежду Стеф; думаю, она не будет возражать. Ной пишет эсэмэску, что он внизу, я спрыгиваю с кровати и бегу на улицу. Он выглядит просто великолепно: темно-синие джинсы, кремовый кардиган и белая рубашка. Он действительно часто носит эти кардиганы, но мне они нравятся. Его приветливая улыбка согревает, он обнимает меня и говорит, что рад, что приехал.

Мы идем в комнату, он смотрит на меня и спрашивает:

– Ты накрасилась?

– Да, немного. Решила поэкспериментировать.

Ной улыбается.

– Отлично выглядишь, – говорит он, целуя меня в лоб.

В конце концов, мы выбираем на вечер романтическую комедию Netflix. Стеф пишет, что останется у Тристана, так что я выключаю свет, и мы садимся, обнявшись, на моей кровати. Ной кладет мне руку на плечо, а я прижимаюсь головой к его груди.

Это я, настоящая, а не та безумная девчонка в панковской футболке, купающаяся с парнем в реке.

Мы запускаем фильм, который я раньше не видела, но не проходит и пяти минут, как дверь со скрипом открывается. Сначала я думаю, что Стеф что-то забыла. Ну конечно, это Хардин. Его взгляд сразу упирается туда, где мы сидим в свете экрана ноутбука. До меня доходит: он пришел, чтобы все рассказать Ною. Меня охватывает паника, и я резким прыжком отскакиваю от бойфренда.

– Что ты тут делаешь? – кричу я. – Ты не можешь тут просто так торчать!

Хардин улыбается.

– Я пришел к Стефу, – отвечает он, садясь. – Привет, Ной, рад тебя снова видеть.

Он ухмыляется, и Ной неприветливо на него смотрит. Ему, наверное, интересно, откуда у Хардина ключ от моей комнаты и почему он не постучал.

– Она с Тристаном и, скорее всего, уже у вас в братстве, – медленно говорю я, мысленно умоляя его уйти.

Если сейчас он все расскажет Ною, я понятия не имею, что со мной будет.

– Да? – По его ухмылке я вижу, что он приехал сюда просто меня помучить. И вероятно, останется тут, пока я сама не уведу Ноя. – А вы не поедете на вечеринку?

– Нет... не поедем. Мы собираемся посмотреть кино, – говорю я.

Ной тянется и берет меня за руку. Даже в темноте я вижу, как Хардин следит за его движением.

– Очень жаль. Я лучше пойду. – Он поворачивается к двери, и я чувствую, как с души спадает камень. Но тут он поворачивается снова. – Кстати, Ной, – начинает он, и душа опять уходит в пятки. – Клевый кардиган.

Я облегченно выдыхаю.

– Спасибо. Это Гар, – говорит Ной.

Он не понимает, что Хардин над ним смеется.

– Да, я знаю. Желая хорошо повеселиться, – говорит Хардин и покидает комнату.

Глава 28

– Кажется, он не такой уж плохой, – говорит Ной, когда дверь закрывается.

Я нервно смеюсь.

– Что?

Ной вопросительно вскидывает бровь, и я отвечаю:

– Ничего, просто я удивлена, что ты так считаешь.

Снова кладу голову ему на грудь. Напряжение, заполнявшее комнату минуту назад, исчезло.

– Я не говорю, что хотел бы с ним общаться, но он был довольно приветлив.

– В Хардине нет ничего приветливого, – бурчу я, и Ной, усмехаясь, меня обнимает.

Если бы он знал все, что произошло между мной и Хардином, как мы целовались, как я стонала его имя, когда он... Господи, Тесса, прекрати!

Я поднимаю голову, целую Ноя в челюсть, и он улыбается в ответ. Я хочу, чтобы Ной заставил меня почувствовать то же, что и Хардин. Сажусь к нему лицом, беру его лицо руками и прижимаюсь губами к его рту. Его губы раскрываются, и он меня целует. Губы мягкие, как и сам поцелуй. Этого недостаточно. Мне нужен огонь, страсть. Я обнимаю руками его шею и сажусь к нему на колени.

– Ух ты, Тесса, что ты делаешь? – спрашивает Ной, нежно пытаясь снять меня со своих колен.

– Что? Ничего, я просто... хочу ласки... – говорю я, глядя вниз. Обычно я не стесняюсь, но об этом мы говорим не часто.

– О'кей, – произносит он, и я снова целую его.

Я чувствую тепло, но не огонь. Я двигаю бедрами, надеясь разжечь его. Ной опускает руки на мою талию, но он сопротивляется моим движениям, останавливая меня. Я знаю, мы с ним договорились подождать до брака, но мы ведь просто целуемся. Я хватаю его руки и тяну их дальше, продолжая двигаться. Но как я ни стараюсь целовать его более страстно, губы его остаются мягкими и робкими. Я чувствую, что он завелся, но знаю, что он не будет активен.

Понимаю: мной движут не лучшие побуждения, но мне все равно, мне просто нужно знать, что Ной может сделать со мной то же, что Хардин. Ведь на самом деле мне нужен не Хардин, а эти ощущения... Правда же?

Я перестаю целовать его и соскальзываю с колен.

– Это было хорошо, Тесса, – улыбается Ной, и я отвечаю ему тем же.

Это было «хорошо». Он такой осторожный, слишком осторожный, но я его люблю. Я запускаю фильм, но через несколько минут чувствую, как меня клонит в сон.

– Мне пора, – говорит Хардин. Его зеленые глаза смотрят на меня сверху вниз.

– Куда? – Я не хочу, чтобы он уходил.

– Я собираюсь остановиться в отеле неподалеку; вернусь утром, – говорит он, и когда я смотрю на него внимательней, лицо Хардина исчезает, и на его месте оказывается Ной.

Я вскакиваю и протираю глаза. Ной, это Ной. А вовсе не Хардин.

– Ты совсем засыпаешь, а я не могу тут ночевать, – говорит он мягко, поглаживая меня по щеке.

Я хочу, чтобы он остался, но боюсь, что буду разговаривать во сне. Ною в голову не

приходит, что можно остаться в моей комнате. Они с Хардином – полные противоположности. Во всем.

– Я тебя люблю, – говорит он.

Я киваю, снова опускаюсь на подушку и проваливаюсь в сон.

На следующий день я просыпаюсь от звонка Ноя. Он сообщает, что выходит. Я выкатываюсь из кровати и спешу в душ. Интересно, что мы будем сегодня делать? Здесь не особо интересно, если не выезжать в город; может, стоит написать Лэндону и спросить, чем тут можно заняться, кроме вечеринки в братстве? Он – единственный мой друг, кто может это знать.

Решаю надеть серую юбку в складку и простую синюю рубашку, голос Хардина в моей голове, высмеивающий мой простенький наряд, игнорирую.

Ной ждет меня в коридоре возле моей двери, когда я возвращаюсь из душа с полотенцем на голове.

– Прекрасно выглядишь, – говорит он с улыбкой, кладя руку мне на плечо.

– Мне нужно еще сделать укладку и накраситься, – сообщаю я, схватив косметичку Стеф, которую она, к моей радости, не взяла с собой. Теперь, когда я знаю, что мне нравится из косметики, надо завести себе свою.

Ной терпеливо сидит на моей кровати, пока я сушу голову и завиваюсь. Я отрываюсь от макияжа и целую его в щеку.

– Чем хочешь сегодня заняться?

Я докрашиваю глаза и снова берусь за гребень.

– Колледж хорошо на тебя влияет, Тесса. Ты никогда не выглядела лучше, – говорит Ной. – Не знаю, можно сходить в парк и куда-нибудь еще, а потом поужинать.

Смотрю на часы. Уже час дня? Я пишу Стеф, что меня не будет большую часть дня, она отвечает, что не появится до завтра. Все выходные она теперь проводит в братстве.

Ной открывает свою «Тойоту». Его родители считают, что это самый безопасный автомобиль, последняя модель. Безупречный салон, никаких потрепанных книг и грязной одежды. Мы едем искать парк, который где-то неподалеку. Это тихий уголок, с наполовину пожелтевшей травой и несколькими деревьями. Когда мы останавливаемся, Ной спрашивает:

– Слушай, когда ты собираешься подыскать себе машину?

– Думаю, на этой неделе. И на этой неделе я собираюсь устроиться на работу.

Я молчу о стажировке в VancePublishing, о которой упоминал Хардин. Не знаю, могу ли я еще на нее рассчитывать, а если могу, то как сказать об этом Нюю.

– Это хорошая новость. Дай мне знать, если тебе понадобится какая-то помощь.

Мы обходим парк, потом садимся за столик. Ной болтает, я киваю в ответ. Я по большей части не слежу за разговором, но Ной, кажется, этого не замечает. Потом мы снова гуляем и в итоге оказываемся возле небольшой речки. Я иронически фыркаю, и Ной смотрит на меня с недоумением.

– Не хочешь поплавать? – спрашиваю я, сама не зная зачем.

– Здесь? Ни в коем случае, – говорит он, смеясь.

Я отодвигаюсь от Ноя, мысленно ругая себя. Мне нужно перестать сравнивать его с Хардином.

– Да шучу я, – вру я и веду его дальше по тропке.

Около семи мы решаем заказать пиццу, а потом отправиться ко мне и посмотреть классику: Мэг Райан влюбляется в Тома Хэнкса на радио-шоу. Я уже умираю от голода, и когда привозят пиццу, съедаю почти половину.

На середине картины звонит мой телефон. Ной тянется и берет трубку раньше меня.

– Кто такой Лэндон? – спрашивает он.

В голосе нет подозрения, одно любопытство. Ной меня никогда не ревновал, в этом не было необходимости.

Пока не было, напоминает подсознание.

– Приятель из колледжа, – отвечаю я.

Зачем Лэндону звонить так поздно? Он никогда не звонил мне, разве что конспекты сравнить.

– Тесса? – громко говорит Лэндон.

– Привет, все в порядке?

– Эээ, ну, на самом деле нет. Я знаю, у тебя Ной, но... – Он колеблется.

– Что случилось, Лэндон? – Сердце колотится. – Что с тобой?

– Дело не во мне. А в Хардине.

Я замираю.

– Х-хардине? – заикаюсь я.

– Да, если я дам тебе адрес, ты сможешь приехать? Пожалуйста!

Слышу какой-то шум на заднем плане. Спрыгиваю с кровати и обуваюсь прежде, чем успеваю что-то сообразить. Ной тоже поднимается и с сочувствием на меня смотрит.

– Лэндон, Хардин тебя побил? – Мой мозг не может представить себе, что еще может произойти.

– Нет-нет, – говорит он.

– Напиши мне адрес, – успеваю я сказать и снова слышу только шум.

Я обращаюсь к Ною.

– Ной, мне нужна твоя машина.

Он поворачивается ко мне.

– Что-то случилось?

– Не знаю... что-то с Хардином. Дай мне ключи, – требую я.

Он достает из кармана ключи, но потом говорит настойчиво:

– Я с тобой.

Я вырываю ключи у него из рук и качаю головой.

– Нет, ты... Я должна поехать одна.

Мои слова его ранят. Я вижу, он переживает. И я знаю, что оставлять Ноя в общежитии неправильно, но единственное, о чем я могу сейчас думать, это о том, что мне надо добраться до Хардина.

Глава 29

Лэндон присылает сообщение «2875, Корнелл-роуд». Я копирую его и вставляю в навигатор: ехать туда пятнадцать минут. Что там может происходить, что Лэндон решил меня вызвать? Всю дорогу теряюсь в догадках. Ной за это время звонил дважды, и оба раза я не взяла трубку; я должна следить за навигатором, кроме того, мне просто стыдно смотреть ему в глаза после того, как я оставила его там одного.

Улица сплошь застроена огромными особняками. Нужный мне дом по меньшей мере в три раза больше маминого. Это старомодная кирпичная постройка с двором на склоне холма. Даже при свете фонарей очень красивый. Наверное, это дом отца Хардина – вот почему Лэндон тоже здесь. Я делаю глубокий вдох и поднимаюсь по крыльцу. Стучу в большую тяжелую дверь из красного дерева, и через несколько мгновений она открывается.

– Тесса, спасибо, что приехала. Извини, я знаю, что ты не одна. Разве Ной не с тобой? – косится на машину Лэндон и жестом приглашает меня войти.

– Нет, он остался в общежитии. Что происходит? Где Хардин?

– На заднем дворе. Он просто свихнулся, – вздыхает он.

– И я здесь для того, чтобы?... – спрашиваю я как могу вежливо. Если Хардин свихнулся, то чем я могу помочь?

– Не знаю. Конечно, ты его ненавидишь, но ты должна с ним поговорить. Он совсем пьяный, буянит. Пришел, открыл отцовский виски и выпил полбутылки! Потом начал бить вещи: всю мамину посуду, стеклянный шкаф, все, до чего смог дотянуться.

– Что? Почему?

Хардин же говорит, что не пьет, неужели он солгал?

– Просто его папа сказал ему, что женится на моей маме.

– Вот как? – Я все еще не понимаю. – Так Хардин не хочет, чтобы он женился?

Лэндон ведет меня через большую кухню, и я вижу, какой погром учинил Хардин. На полу валяются осколки посуды, большой деревянный шкаф опрокинут, его стеклянные дверки разбиты.

– Нет, это долгая история. Папа ему позвонил, и они с мамой уехали из города, чтобы отпраздновать это событие. Наверное, поэтому Хардин пришел сюда, чтобы остановить отца. Раньше он здесь никогда не появлялся, – объясняет Лэндон, открывая заднюю дверь.

За маленьким столиком на террасе вижу силуэт. Хардин.

– Не знаю, чего ты от меня ждешь, но я постараюсь.

Лэндон кивает. Потом наклоняется и кладет мне руку на плечо.

– Он звал тебя, – спокойно произносит он, и мое сердце замирает.

Я иду к Хардину, и он смотрит на меня. Глаза налиты кровью, на голове – серая шапочка. Во взгляде вспыхивает безумие и снова гаснет, мне хочется сделать шаг назад. В полумраке он выглядит страшно.

– Как ты здесь... – говорит Хардин, поднимаясь.

– Лэндон... он... – отвечаю я, и тут же жалею об этом.

– Какого черта ты ей позвонил? – кричит он Лэндону, который прячется в доме.

– Оставь его в покое, Хардин, он о тебе беспокоился! – кричу я.

Он снова опускается на стул, указывая мне на место рядом. Сажусь напротив него, вижу, как он хватается почти пустую бутылку с чем-то темным и подносит ее ко рту. Я смотрю, как двигается его кадык, когда он глотает. Оторвавшись, он с такой силой грохает бутылкой о стеклянный столик, что я подпрыгиваю в страхе, что они сейчас разобьются.

– М-м-м, оба вы одинаковые. Такие предсказуемые. Бедный Хардин и так расстроен, а вы набрасываетесь на него из-за какого-то чертова фарфора! – говорит он, растягивая слова, с какой-то болезненной ухмылкой.

– Я думала, ты не пьешь, – говорю я, сложив руки на груди.

– Не пью. По крайней мере, до сих пор не пил. Не надо обо мне беспокоиться, ты не лучше меня.

Он тычет в меня пальцем, а потом снова прикладывает к бутылке.

Это ужасно, но все равно я чувствую, что близость к нему, даже пьяному, делает меня живее. Это чувство полноты жизни может дать мне только Хардин!

– Я никогда и не говорила, что лучше тебя. Просто хочу знать, из-за чего ты напился.

– Какая разница? Где твой парень?

Его глаза вдруг загораются, и в глубине их я вижу столько чувства, что отвожу взгляд. Знать бы, что это за чувство; ненависть, наверное.

– Остался в моей комнате. Я хочу помочь тебе, Хардин.

Я наклоняюсь над столом, чтобы коснуться его, но Хардин отшатывается.

– Помочь мне? – хихикает он. Мне хочется спросить, почему он звал меня, если продолжает меня ненавидеть, но не могу снова подставлять Лэндона. – Если хочешь помочь мне, просто уйди.

– Почему ты просто не можешь рассказать мне, что случилось? – говорю я, рассматривая свои ногти.

Он вздыхает, стягивает шапочку, проводит рукой по волосам и снова ее надевает.

– Мой отец только сейчас решил мне рассказать, что женится на Карен, свадьба через месяц. Он давно должен был мне сказать, и не по телефону. Уверен, что наш тихоня Лэндон давно был в курсе.

Ничего себе. Я не ожидала, что он расскажет, и теперь не знаю, что ответить.

– Я думаю, у него были свои причины тебе не говорить.

– Ты его не знаешь, ему просто на меня плевать. Знаешь, сколько раз я разговаривал с ним в прошлом году? От силы десять! Все, что его волнует, это его большой дом, будущая жена и новый пайнык-сынок. – Хардин ругается себе под нос и снова прикладывает к

бутылке. Я не отвечаю, и он продолжает: – Тебе надо видеть ту помойку, в которой в Англии живет моя мама. Она говорит, что ей там нравится, но я-то вижу. Квартирка меньше, чем здешняя спальня! Моя мама фактически заставила меня сюда поступить, чтобы быть ближе к отцу, и мы видим, что получилось!

Из той немногой информации, что он сообщил мне, решаю, что теперь понимаю Хардина лучше, чем раньше. Мне снова жаль его; ну почему он такой?

– Сколько тебе было лет, когда он ушел? – спрашиваю я наконец.

Он недоверчиво смотрит на меня, но все же отвечает:

– Десять. Но еще до этого он редко появлялся дома. Каждый вечер проводил в барах. Это теперь он мистер Совершенство, и у него есть вот это вот все.

Хардин взмахом показывает на дом.

Отец Хардина, как и мой, бросил их, когда ему было десять, и оба они пили. У нас больше общего, чем я думала. Сейчас, пьяный и отчаявшийся, Хардин выглядит совсем юным и хрупким, совершенно не таким, каким я знала его прежде.

– Мне жаль, что он бросил вас, но...

– Мне не нужна твоя жалость, – обрывает он.

– Это не жалость. Я просто пытаюсь...

– Что пытаешься?

– Помочь тебе. Быть с тобой, – мягко объясняю я.

И он улыбается. Эта пленительная улыбка дает мне надежду, что я могу помочь ему преодолеть это, хотя я точно знаю, что будет потом.

– Это очень жалко. Разве ты не видишь, что я не хочу, чтобы ты тут находилась? Не хочу, чтобы ты была тут со мной. То, что я разок погулял с тобой, не значит, что я хочу иметь с тобой дело и дальше. И, тем не менее, ты пришла, оставив своего замечательного бойфренда, который действительно достоин быть с тобой рядом, приехала сюда, чтобы «помочь» мне. Да, Тереза, действительно жалко, – язвит он.

Голос полон яда. Я знала, что так и будет, но смотрю на него, не обращая внимания на боль в груди.

– Ты так не думаешь.

Вспоминаю, как всего неделю назад он смеялся и бросал меня в воду. Не могу понять, то ли он великий актер, то ли великий лжец.

– Думаю. Возвращайся домой, – говорит он и снова берет за бутылку.

Перегнувшись через стол, я вырываю ее и бросаю во двор.

– Что ты творишь? – орет он, но я, не обращая внимания, захожу в заднюю дверь.

Я слышу, как он вскакивает и меня догоняет.

– Куда ты идешь? – Его лицо – всего в нескольких сантиметрах от моего.

– Хочу помочь Лэндону убрать весь тот погром, что ты устроил, а потом пойду домой, – говорю я намеренно невозмутимо.

– Зачем ему помогать? – с отвращением спрашивает он.

– Потому что, в отличие от тебя, он заслуживает помощи, – отвечаю я.

Лицо Хардина вытягивается. Мне следует сказать ему гораздо больше. Надо бы наорать на него за все гадости, что он мне наговорил, но я понимаю, что это именно то, чего он ждет. Это то, чего он добивается: разрушать все вокруг себя и получать удовольствие от происходящего хаоса.

Хардин спокойно пропускает меня.

Захожу внутрь и вижу Лэндона, поднимающего опрокинутый шкаф.

– Здесь есть веник? – спрашиваю я.

Лэндон смотрит на меня с благодарностью.

– Вон там, – он показывает на веник. – Спасибо тебе за все.

Я киваю и начинаю выметать осколки. Их очень много. С ужасом воображаю, что, когда мама Лэндона вернется, она не увидит свою посуду. Надеюсь, она не придавала ей какого-то особого значения.

– Ой! – вскрикиваю я, когда маленький осколок впивается мне палец.

Капельки крови падают на пол, и я бегу к раковине.

– Что с тобой? – взволнованно спрашивает Лэндон.

– Да, просто маленький осколок, не знаю, откуда столько крови.

Действительно, мне совсем не так больно, как может показаться. Подставляю палец под холодную воду и закрываю глаза. И через несколько минут слышу, как открывается задняя дверь. Снова открываю глаза и поворачиваюсь: в дверях стоит Хардин.

– Тесса, пожалуйста, мы можем поговорить?

Я знаю, что нужно ответить «нет», но его чуть заметно покрасневшие глаза заставляют меня кивнуть. Он смотрит на мою руку, на кровь на полу, затем быстро подходит ближе.

– Все нормально? Что случилось?

– Ничего, порезалась немного.

Он берет меня за руку и вытаскивает ее из-под струи. Прикосновение действует на меня как разряд. Глядя на мой палец, он хмурится, затем отпускает меня и идет к Лэндону. Он только что оскорблял меня и вдруг заботится о моем здоровье? Он хочет меня с ума свести! Буквально хочет, чтобы меня заперли в комнате с мягкими стенами.

– Где бинт? – командует он Лэндону, тот показывает на ванную.

Через минуту Хардин возвращается и снова берет меня за руку. Сначала наносит на порез какой-то антибактериальный гель, затем мягко забинтовывает палец. Я молчу, сконфуженная взглядом Лэндона и заботой Хардина.

– Можно с тобой поговорить? – снова спрашивает он.

Я опять думаю, что должна сказать «нет». Но с каких пор я делаю то, что должна, когда речь идет о Хардине?

Я киваю, он берет меня за запястье и ведет во двор.

Глава 30

Вернувшись к столику на веранде, Хардин отпускает меня и подвигает стул. Кожа горит от его прикосновения, тру пальцами запястье, а он берет другой стул и ставит его прямо напротив меня. Когда он садится, то оказывается так близко, что наши колени почти соприкасаются.

Конец ознакомительного фрагмента.